Пирогов
Валентин Иванович

Где Россия моя начинается

МКУК «КИЛЬМЕЗСКАЯ МБС»

Валентин Пирогов

Где Россия моя начинается

СТИХИ

пгт. Кильмезь
2017 год

Пирогов В.И.

Где Россия моя начинается: стихи/ В.И.Пирогов.- 2-е изд. перераб. и доп. – Кильмезь: Центральная районная библиотека МКУК «Кильмезская МБС»., 2017. -134 с.: ил.

Набор текста Т.Е.Одегова, О.В.Мальцева.
Компьютерная верстка О.В.Мальцева

Пирогов Валентин Иванович

(1937 - 2001гг.)

ИЗ ПЛЕМЕНИ РОМАНТИКОВ

Сказать несколько слов об авторе этого поэтического сборника и просто, и сложно. Просто потому, что многие годы трудились рука об руку в местной «районке». А сложно, наверное, по той причине, что поэты - это люди особого склада, часто с непростыми характерами и судьбами, со своим глубоким внутренним миром. И сказать о них главное не так-то легко.

Многие кильмезяне знают Валентина Ивановича Пирогова как газетчика, талантливого журналиста, большую часть трудовой биографии посвятившего Кильмезской районной газете «Сельская трибуна». Вот почему мы вправе называть его своим кильмезским поэтом, хотя родился он в Лебяжском

районе, а поработать Валентину Пирогову довелось в газетах Уржума, Арбажа, Кумён, и даже в изыскательских охотостроительных экспедициях Восточной Сибири в должности инженера-охотоведа.

Не имея ни литературного, ни журналистского образования (учился на охотоведа в Иркутском сельхозинституте), тем не менее, был он человеком исключительно творческим. Из тех людей, кому дар сочинительства, похоже, даётся от рождения. Бережное, какое-то даже трепетное отношение к слову печатному и слову сказанному отмечали все, кто знал Валентина Пирогова. И, словно в благодарность за это, «лучшие слова в лучшем порядке», как определил доподлинную поэзию Мопассан, складывались у него как бы сами собой.

К сожалению, как поэта, люди знали его мало. Только лишь со страниц «Сельской трибуны». Хотя ещё при жизни (а умер он в 2001 году) мог бы выйти, наверное, не один поэтический сборник Пирогова. Но слишком скромен был сам поэт, чтобы заниматься продвижением себя, своих стихов. Он почти никогда не читал их даже коллегам, не говоря уже о выступлениях с эстрады.

А ещё - слишком много времени отнимала «районка». Он был газетчиком-трудягой, каких поискать, готовым заполнить в газете любой пробел в любое время дня и ночи. Без его участия не выходил практически ни один номер «Сельской трибуны».

Но утешает хотя бы то, что стихи Валентина Пирогова всё же публиковались в коллективных сборниках вятских поэтов «Встречи» и «Вятские зори», печатались в газетах «Кировская правда» и «Комсомольское племя», «Марийская правда», в Сибири - в газетах «Амурская правда», «Восточно-Сибирская правда», «Саянская заря», и даже в центральном еженедельнике «Неделя».

Нельзя не отметить, что Валентин Пирогов был человеком широкого кругозора, много и постоянно читающим, а в области флоры и фауны - просто энциклопедически подкованным. Трудно сказать, на какой вопрос он не мог бы ответить.

Ну, а в общении с людьми журналист и поэт Пирогов был хоть и немногословен, но неизменно сдержан и тактичен. Он как бы парил над суетой, всегда оставаясь выше каких-то

случайных неурядиц и житейских передряг. Казалось, он знает что-то такое, главное - чего не знают другие.

Валентин Пирогов из того поколения людей, о которых сказано: «Дети войны» (год рождения 1937-й). Из детства они шагнули прямо в зрелость. Оставшись без отцов, что навеки покоятся в братских могилах на полях сражений, они сами пробивали себе дорогу. Нередко падая и больно ушибаясь, но, никогда не теряя того нравственного стержня высокой духовности, что сформировался в этих людях ещё с тяжелого военного детства. Может быть, это и помогало им выстоять в жизни.

Стихи о войне... Это одна из главных тем поэта. В них он стремится глубоко раскрыть сердце и душу солдата-победителя, изобразить великий подвиг народа во всех его проявлениях (и на фронте, и в тылу).

Точные и ясные эмоциональные образы встают в другой его главной теме - теме любви к природе, ко всему живому. Мечтательность, влюбленность в красоту России помогали поэту находить поразительные по точности сравнения, наблюдать и видеть то, что другие могли бы никогда и не заметить. Так писать мог только человек с душой романтика.

Романтическая неуспокоенность души сквозит и в его песнях странствий, навеянных экспедициями по Сибири, и в лирических раздумьях. Именно это и помогало поэту жить и творить, каждый раз находить для своих стихов всё новые темы и всё более свежие образы.

Как человек и как поэт, Валентин Пирогов, по сути, сформирован трудовой сельской глубинкой. Где «всё до капельки знакомое»: труд хлебороба и кузнеца, сенокосная пора и нелегкая судьба умирающих деревень... Вот почему так органично вошли в его поэзию стихи о неутомимых сельских тружениках, на чьих плечах во многом держится Россия.

Думается, кильмезяне с интересом прочтут этот сборник стихов. Пусть пока и самиздатовский. Стихов, которые удивляют, возвышают, напоминают нам о неких вечных человеческих ценностях, в наш век прагматизма и накопительства, увы, низвергнутых с пьедестала, но без которых настоящий человек попросту немыслим.

Выходит этот сборник в год, когда его автору, Валентину Ивановичу Пирогову, исполнилось бы 80. Жаль, конечно, что не при жизни. Но лучше поздно, чем никогда.

...У писателей и поэтов есть такое присловье, которое рекомендуется повторять всякий раз, взявшись за перо: «Если можешь не писать - не пиши». Он - не мог... И этим интересен.

Людмила ВОРОНОВА,
член Союза журналистов России.

Где Россия моя начинается?

«ВЯТКА»

Был клуб хорош, что желтый кубик,
Крапленый клейкою смолой.
И музыка!
Ах, боже мой!..
Хотя тайга, такие глуби.
Спешил до сумерек народ
К старинным танго приобщиться.
Грустит у входа вездеход
Да «Волга» присмиревшей птицей.
«ИЖи» лишь, кажется, пойдут
С «Восходами» вот-вот вприсядку.
Не сразу заприметил «Вятку»
В моторизованном ряду.
Толкнуло что-то в грудь слегка,
Тоска по старой дружбе, что ли?..
Как весть, привет издалека—
Видавший виды, мотороллер.
Темно-зеленый, вот он — рядом,
В глуши сибирского села.
— Салют, бродяга!
— Как дела?
Нам слов совсем немного надо.
Мы постоим и помолчим,
Ведь путь прошли крутой и длинный…
Плывет над кедрами в ночи
Звезда с мелодией старинной.

НАЧАЛО НАЧАЛ

Пахарь, не знающий устали.
Поле холстиной расстелено...
Во всём простота безыскусная –
В удачах и лихе проверена.
У этих крестьянских причалов
Остаться нельзя безучастным.
Отсюда всему начало –
Хлебу! Достатку! Счастью!

НАЧАЛО РОССИИ

Лен качается, не кончается,
Нам отсюда никак не уйти.
Где Россия моя начинается?
Может, тут, возле Вятки-реки?
Может, там, за широкими плесами, -
Был задуман в грядущее взлет.
Может, рядом, умытая росами,
Русь, как лебедь-царевна, плывет.
Где истоки, начал изначалие:
В полном колосе, роднике,
В детском смехе, слезинке нечаянной? '
Кем открыто, разгадано кем?
Лен качается синий, синий
И горит животворным огнем.
В нашем сердце начало России,
Ею дышим и ею живем!

ТВОЯ ДЕРЕВНЯ

Деревни, в общем-то, похожи,
Хотя у каждой облик свой,
Рекой, домами, спелой рожью,
Скворечниками, городьбой,
Толпой подсолнухов на грядке,
Неторопливостью гусей.
В любой живут свои порядки
И хлебосольность для гостей.
Работа от зари до зорьки
Не напоказ, не для наград.
На свадьбах складный гомон: «Горько!»
И грусть оплаканных утрат.
В ходу частушки - нескладушки
Покрепче, да погорячей.
Открытые простые души,
Не знаменитые ничем.
Деревня, пахарь твой надежный,
К земле привязанность храня,
Построит дом, и печку сложит,
Коль надо, подкует коня.
И щегольнет резным карнизом,
Что встретишь не в любом селе.
А не починит телевизор,
Так есть на это ателье.
Деревни, в общем-то, похожи
И в наших, и в других краях.
Твоя - она обычна тоже
И необычна: ведь твоя!

КРАЙ ОТЦОВ

Облака веселой конницей
С разлохмаченностью грив.
Смотрят сосны за околицей
В очи ясные зари.
На сугробы тени синие
Опустились с высоты.
Можжевельник в белом инее,
Будто розы для фаты.
Через бор сохатый ломится,
Распугав тетеревов.
Елка тоненькая клонится
Под наскоками ветров.
Но упрямо к свету тянется
Юной девой на перстах...
Вечно в памяти останется
Этих зорек чистота.
Лес, ручей, поляна скромная,
Поле, скирды - край отцов.
Все до капельки знакомое,
Как любимое лицо.

ДЕРЕВНИ ПЕРЕЕЗЖАЮТ

Теперь уж точно: за ржаное поле
По той дороге отходил своё.
Но врезалась деревня острой болью
И без наркоза не отсечь её.
Чем старше, тем она сильнее ранит,
Хотя лет пять её в помине нет...
Стирает жизнь сложившиеся грани,
Сентиментальный рушится сюжет.

СЕНОКОС

Порою рассветной, порой сенокосной
Привычно к плечу припадает коса.
Шагаешь трудягой, но только не гостем
В луга, где искрится на травах роса.
Там падать валкам духовитым размеренно,
Рубахе от крепкого пота темнеть.
Крестьянская жилка легко и уверенно
В страду оживает в тебе и во мне.
Металл распевает на зелени сочной,
Бери по росе на размах, на ура!
Осинка у края поляны лопочет,
А может, торопит? Такая пора.
Тяжелые гроздья склонила клубника
И манит. И тянет от речки дымком.
Приятно к прохладной водице приникнуть,
Поздравить себя с работящим деньком.
Артельный котел, повздыхав, деловито
К себе собирает трудящийся люд.
И ложки стучат, и сверкают улыбки,
И башнями редкие тучи встают.
Но грома не слышно за дальней дубравой,
Гроза в этот раз обошла стороной.
…А ночью в густые уснувшие травы
Обрушится звездный искрящийся рой.

* * *

Над лугами тысячью созвездий
Ивы распушенные цветы.
Лёд ушёл, по зеркалу Кильмези
Вниз поплыли грузные плоты.
Сосны разбежались по откосам,
Синь и ветер пали на село.
Да спешит девчонкой русокосой
Гордая красавица лесов.

НА ПОЛЕВОМ СТАНЕ

С закатом споря, из-за рощи ближней,
Где каждый ствол отмечен белизной,
Луна привстала чародейкой рыжей
Над полновесной зрелостью земной.

Поля росою тронуты медвяной.
Здесь труд и пот с весельем заодно.
Девчата растревожили поляну
Частушечным искрящимся огнём.

Комбайнеры, омыв лицо водою,
Пьют молоко и хлебный дух земли,
А на опушке медленно от зноя
Степные остывают корабли.

- Две нормы!
Бригадир дымит цигаркой.
- Две с половиной, так оно верней...
Роняет небо звёзды, как подарки,
У изголовья жесткого парней.

Они, на травы телогрейки бросив,
Окинув взором чистый горизонт,
Почти уснувши, видят, как колосья
Без суеты отряхивают сон.

И как луна через хлеба густые,
Через росу прокладывает след.
И по её следам идёт в Россию,
Расправив плечи, трудовой рассвет.

РЖАНОМУ ПОЛЮ

Пыль на дороге горяча,
Хотя и схлынул зной свирепый.
А сумрак с криком дергача
Окутал пойменные крепи.
В полях дневной закончен труд,
Идет с лугов вечерних стадо.
И проплывает через пруд
Желанно-робкая прохлада.
Крестьянский ужин не мудрен.
Стол вкопан под открытым небом:
Окрошка, кринка с молоком,
Прикрытая краюхой хлеба.
В саду от месяца светло,
Бормочут гуси еле внятно,
Зовут гармошки на село,
На берег манит запах мяты.
И тихо голову кружит
Комбайна выверенный рокот…
Будь славно, поле спелой ржи!
Благословенна будь, работа!

* * *

За валом вал - с весёлым свистом.
Густой течёт с литовки сок.
На сделанное гляну, на восток,
Под чайником раздую костерок,
Почувствую озноб травы росистой.

ХЛЕБОРОБУ

О хлебе сказано правдиво:
Всему на свете - голова.
Пусть озарятся светом дивным
На хлеб и мирный труд права,
На шелест трав и нивы сочной,
На вешний ручейковый звон,
Они вошли сияньем строчек
Навечно в Основной закон.
Они история - и слава
Прошедших и грядущих дней.
Ты крепишь мощь родной державы
Работой мирною своей.
И как святыню ты приносишь
К Дню Конституции страны –
Литое золото колосьев,
Что в Герб советский вплетены!

СТРАДА

Ветра нет.
И тучки в полдень знойный
Уплывают вяло, неохотно.
Выгорело небо голубое,
Как рубашка на спине от пота.
Тени облаков, что снов беспечность,
Набегут, и вновь жара в зените.
Рожь течет навстречу бесконечно,
Горизонты маревом размыты.
Поле, поле - совесть, честь и доля,
Ты для хлебороба золотое,
Чтобы встретить осень хлебом-солью,
Он забыл мгновения покоя.
Над кабинкой в раскаленном звоне
Бьётся вымпел красною гвоздикой.
Со штурвалом сплавлены ладони,
На губах страды соленый привкус.

* * *

Через шторы ясным ручейком
Свет луны пролился на подушку.
Спят поля и рощи за окном.
Ночь-царевна вышла на опушку.

Сквозь сугробы заячьи следы –
Торопились в белые просторы:
Звездами осыпала сады,
Звездами украсила наш город.

Мишка спит. И ты давно уснул.
И тебе манящий космос снится.
Сны плывут, как сказочные птицы,
И плывет за стенкой ровный гул.

Это ветер тронул провода,
Словно струны старенькой гитары.
…На ладошки падает звезда –
Неземной, сверкающий подарок.

Набегает звонкою волной
Детских грез картина золотая…
Родина мальчишечий покой
Материнской лаской охраняет.

В КУЗНИЦЕ

Рисует память Дантов ад.
Меха натужно дуют в горны.
Кузнец прикрикнул на ребят,
Дверь осаждающих упорно.

Соленый пот стирая, он
Кусок металла взял клещами,
И вверх поплыл горячий звон,
Раздвинув кузницу плечами.

Поет и пляшет молоток,
Повел кузнец плечом: готова!
На наковальне сквозь дымок
Вдруг появляется подкова.

То лемех теплый упадет,
То болтик алый ляжет рядом.
И зрители, разинув рот,
Боготворят «ворота ада».

* * *

Плыло голубем утро над лесом
Сквозь душистый, как мед, холодок.
Старый дед
Мастерил под навесом
Для пчелиной семьи городок.
Каждый улей на пасеке светлой
О труде и любви говорит.
Знать привязанность к пчелам вот эта
От рожденья у деда в крови.
Скуповат в разговорах при встрече,
Он неловко басит про себя:
-Мне пока что похвастаться нечем,
Люди много чего говорят.
Вот у внука иное дело,
Хоть и молод ещё, шельмец…
Солнце пурпуром разодело
Пробудившийся липовый лес.
Легким гулом пчелиным окутан,
Дед по пасеке тихо идёт.
Мир тебе, голубое утро!
Мир тебе, созидатель-народ!

Песня странствий

НАЧАЛО ПУТИ

Полустанок глухой, незнакомый,
С соком клюквы на детских губах.
Кедры встали у крайнего дома,
Песня странствий гудит в проводах.
Поезд грохнул с чугунным выстуком,
И растаяло эхо вдали.
На дощатом перроне чистеньком
Рюкзаки пирамидой легли.
Мы уйдём сквозь ветров перебранку,
Нам нелегкую ношу нести…
Вот с таких небольших полустанков
Начинались большие пути.

НАД ВОЛГОЙ

Плеча коснулись ласково колосья,
Теплом и хлебом дышит даль полей.
И над селом застенчивою гостьей
Луна краснеет в кронах тополей.
Ещё светлы песчаные откосы,
Не разошлись девчата по домам,
А Волга, словно шелковые косы,
Раскинула вдоль берега туман.
Цветастые, как платьица мариек,
Луга сбежали в сумеречный сон.
И незаметно крылья огневые
Сложил закат за дальний горизонт.
Идёшь в простор пахучий и высокий,
Цветы иль вечер голову кружит…
В ладошках мокрых дремлющей осоки
Хрусталь росинок трепетный лежит.

ИМЯ НА КАРТЕ

Косым дождём окно разлиновало,
В подлесок мокрый падает хвоя.
Вот и меня тоска не миновала,
Как верная привязанность твоя.
Сочится над избушкою ненастье,
И в маяте я третий день вот тут.
А скал угрюмых сомкнутые пасти
Тайгу и все живое стерегут.
Письмо твоё, потёртое на сгибах,
Читаю в колыхающейся тьме:
«...Ну, что за дело ты такое выбрал?
Ни матери покоя и ни мне.
Ты мне сказал - призванье...
Понимаю
Умом, но сердцем что-то не пойму.
Соседи втихомолку донимают,
Мол, наша жизнь - ни сердцу, ни уму.
От дочкиных вопросов нет отбоя,
Но я молчу, страдаю за троих.
Скупое счастье - говорить с тобою
На старых фотографиях твоих.
И вспоминать коротенькие встречи.
Прости мне слабость женскую мою...»
Не день уже, но и еще не вечер,
Ручей уносит палую хвою.
И редкие кораблики-листочки
Через кипень бурунов налегке.
А по воде - дождя тире и точки,
Как весть кому-то в дальнем далеке.
Тому, кто плыл в арктических потемках,
Отвагой, бескорыстьем осенен,
Кто оставлял на карте для потомков
Волшебную поэзию имен:
Пролив Надежды,
Берег светлой Веры,
Любви многострадальной острова.
Твои чуть-чуть с горчинкою слова
Вдруг показались заморозком первым.

И я спешу, и я не сплю ночами,
Чтоб стало нам известно лишь двоим:
Есть ручеек с напевом беспечальным –
Он мною назван именем твоим.

ДОМОЙ

Уходил бродить по белу свету:
Ты привыкла месяцами ждать.
Колотился в окна вешний ветер,
Темень в окнах силясь разогнать,
Залечить невидимые раны
(Сколько их от каждой из разлук!).
Не женой и не вдовой Татьяну
Называли сплетницы вокруг.
Таял лёд в лесных озёрах синих,
Жаворонок падал с высоты.
Ты сама из леса приносила
Скромной мать-и-мачехи цветы.
И дрова с мальчишками колола
- Только б не одной, не в тишине.
А от мужа ни строки, ни слова,
Вся и радость - встретиться во сне.
…День наполнен пересвистом птичьим.
Стук ворот. Не стало пустоты.
Улыбнулась Таня по привычке:
- Ты приехал! Ты или не ты?
А глаза подернуты туманом.
Сердце птицей бьётся под рукой.
- Глупая, хорошая Татьяна.
Нам ведь тоже было нелегко.
- Про меня тут всякое…
- Не надо.
- Веришь?
- Даже больше, чем себе!
…На губах солёная прохлада,
Солнце тихо бродит по избе.

РОСА НА ПОДОРОЖНИКЕ

Не кляня земного бытия,
Мы идем в поту, как наши кони.
Зуммерит, качаясь, мошкара,
Полдень тени сжал в сухой ладони.
В буреломе ручеек игрив
И с горами теми неразлучен,
Где брусникой мшаник обагрив,
Лето, щурясь, прилегло на круче.
Где на горках царствует кипрей,
Широко разлившись по откосам…
На три дня - десяток сухарей
И полупустая папироса.
Не тайгой и не хаосом скал,
Долгим расставанием измучен,
Слушаю, на камень опустясь,
Беспокойный посвист бурундучий.
Никогда б пути не одолел.
В скалах, на болотистых равнинах
Если бы не думал о тебе,
Ласковой, родной, необходимой.
Если б друг со мною не шагал
С песенкой знакомой и несложной,
Если б ветер сосен не качал,
Не ронял росу на подорожник.
Не будил за далями рассвет,
Не стучал крылом в твое оконце,
Где разлуки день, как сотня лет,
В ожидании землепроходца.

НА РЕЧКЕ ЖЕЛАННОЙ

Ночь длинна.
Нас баюкает ветер.
Догорели поленья дотла.
Лишь избушки квадратик окна
Зорко смотрит в таёжные крепи.
Выпит спирт, остывают чаи.
Но не клеится что-то беседа.
Как в туманных распадках ручьи,
Нить её затерялась бесследно.
А над крышей звезда пролетает,
Сосен вздрагивают купола.
Женской ласковости, тепла -
Их - вот так! - нам всегда не хватает.
И ещё непридуманных слов,
Чтоб они задевали не краем.
…Слишком громко шумим про любовь –
Слишком быстро потом остываем…
Эту сущность простых аксиом
Обретая, становимся старше.
Незабвенные сверстницы наши,
Нам поверившие во всем.
Снова в путь. Грусти ноющей нет.
Речка рядом, что девушка русая.
А в глазах пляшет снова рассвет.
И на камешках - капли, как бусины.
Вот и думаю, что неспроста
За хребтами да за туманом
Ту избушку – «Мужская тоска» нарекли.
Ну, а речку - «Желанной».

* * *

Березы стынут вдоль опушки
Пурга стирает лисий след.
Пурга плечом сугробы крушит,
Раскачивая белый свет.
Тропинка… Где она, тропинка?
Хоть с фонарем ищи ее.
Она тонка, как паутинка,
И тоньше может быть еще.
Но ты идешь, успеху веря,
Рюкзак пудовый, не кляня,
Чтоб отогреться у огня,
Пурге обрезав лапы дверью.

* * *

Там, где ветер сопки будит сонные,
Там, где гром лавин, как отзвук гроз,
У ручья с водицею студеною
Встретили мы парочку берёз.
Склоны сопок солнышком обласканы,
В бочагах дотаивает лед.
Давнее, навеянное сказками,
Дымкою таинственной встаёт.
То ли волком серым, то ли лешими,
То ль хозяйкой этих дивных гор…
У берёзок светлых молча спешились,
Слушая ручьев таежных хор.
Нам берёзы ласково кивнули,
В небо ветви тонкие взметнули.
…В памяти они остались двое
И над ними небо голубое.

ПРИЗНАНИЕ КОСТРУ

Костёр не яркий, да и ни к чему,
Когда одна заря спешит сменить другую.
И тишина никак не заколдует
Сиренево-редеющую тьму.

И розовые кивера кипрея,
Как на смотру, вдоль тропки луговой.
Костёр ласкает щёки нам с тобой.
Всё меньше звёзд, а небо всё светлее…

* * *

Костёр семейным очагом
Был в пору тигров саблезубых.
Снега, дожди… Вселенский гром
Трубил в неведомые трубы.
Что пред стихией человек,
Хоть шел на мамонта с дубиной.
Праматерь не смежала век
Над горстью тлеющих рубинов.
Хранила огненный цветок
Под сводами пещеры тесной –
Благополучия исток,
Начало самой первой песни.
С добычей пращур мой шагал.
Клыками зверя разукрашен.
Выл вечер, пир у очага,
И холод был уже не страшен.
В рисунках охрой на стене
Ушла к потомкам эта эра.
И лук натянутый звенел,
Наверно, скрипкой самой первой.
Какие думы он хранил,
Какая музыка звучала
В туманной юности Земли?..
А был очаг всему началом.

* * *

У костра душа коллективиста:
С давних пор на огонёк идут
Рыбаки, охотники, туристы,
Прочий до природы жадный люд.
Ощущают привкус приключений,
Слушая речной речитатив.
И для них в ночи костра свеченье,
Что сиянье сбывшейся мечты.
Он жар-птицей выручал не раз,
Тот костёр во тьме - дружище старый…
Мы огнепоклонники недаром:
Это всё от пращуров у нас.

* * *

Хорошо у костра помолчать,
Слушать, как перепелки стучат,
Как тяжёлые капли росы
Шелестят по листве задремавшей.
Боль залечится шумом лесным,
И невзгоды останутся наши
Где-то сзади, за гранью вчерашней.
… Улеглись отголоски беды,
Будто выпил живой я воды!

* * *

Тропа - на каменистом ложе –
Не нужно компаса в пути.
Но вот развилка,
И не можешь решить:
Куда теперь идти?
И в жизни так. Час испытаний
Вдруг неожиданно пробьет…
Иди вперед без колебаний –
Тропинка к людям приведет!

* * *

Время, словно вьюга, заметает
Той любви оборванную нить.
Только память вечная, святая
Все костры далёкие хранит.
На Бурее, на Саянских кручах,
На Ветлуге, Вятке и Немде.
Не уйти от памяти живучей,
От неё не спрятаться нигде.
Годы вязь давно плетут седую,
Даже клён у дома постарел.
Северные ветры чаще дуют,
Предвещая осень на дворе.
Наплывают ранние потемки
Журавлиным плачем с высоты.
На сучок и ружья, и котомки –
Разведём костёр и погрустим.
Он у нас пока что не последний,
Ведь своя у каждого звезда.
Пусть несутся в хороводе ведьмы,
Лешие по - дьявольски свистят.
Персонажи, в общем-то, не злые,
Ведь из детства шли они за мной:
Черствый хлеб и дали голубые
Поровну делили в снег и зной.
Значит, получалось все, как надо,
И жалеть не стоит ни о чем.
Первый лист - связник от листопада
Тихо опустился на плечо.

РОМАНТИКА

Обросшие, как тот, что с Сахалина
Тропой звериной узкою бежал.
Глаза утопли в ямах черно-синих,
И меркнет ум от комариных жал.
Сырой туман ползет из гиблой чащи
За тоненькой палаточной стеной.
Романтика… В супешнике вчерашнем
Слой комаров в два пальца толщиной.
Рюкзак до ребер разукрасил спину,
А в нем по людям - самосвал тоски.
И положенье пахнет керосином,
И нервы истрепались в лоскутки.
И злость на все: на пасмурное утро,
На анекдоты с сивой бородой,
На сухари, из чая самокрутку,
На кашу с рыжей торфяной водой.
На сапоги - давненько просят каши,
На небеса, что самолета нет,
Но более всего на день вчерашний:
Сам выбрал этих «прелестей» букет.
И надо ж так: обрушилось всё разом,
Когда иссяк последний твой терпеж.
Романтика… Она - в венце алмазном,
Пока по горло лиха не хлебнешь.
…Не удержать , напрасное старанье!
И нынешним не страшен неуют,
Романтики медвежьей глухомани
Уходят вдаль. А может, пусть идут?

ТАЁЖНЫЙ МОТИВ

Прикоснулся губами к прохладе
Ледяного ручья-ворчуна.
И забыл, что оставлена сзади
Скал причудливая стена.
Посмотреть, так красиво, конечно,
Я б красивее не искал,
Если б ветер не лез на плечи
И не спихивал вниз со скал.
Хоть зажмурься:
Не спуск, а пропасть.
Кувырком, аж в глазах круги.
О деревья боками хлопаясь –
Сходу врезался в тальники.
Здесь ручей давнишним товарищем
Задержал мой олений бег.
И мурлыкнул: «Глотком освежающим
Послужу тебе, человек!»
Нам тайга наполняет память
Вот такой чистоты родниками.

* * *

Проплывают медленно обрывы,
Словно замки позабытых сказок,
Да сияют изумрудной гривой
Сосны, еле видимые глазу.
В диких скалах Енисей грохочет,
Бьётся пена у подножья кручи,
Ветер жизнерадостно хохочет,
Разгоняя над тайгою тучи.
Здесь дымы строительства синеют,
Здесь плотина рвется к поднебесью.
Уплывают вниз по Енисею
В Дивногорске сложенные песни.

ДЛЯ НАС ПРИДУМАННЫЕ ПЕСНИ

Согреты сосны прямизной лучей.
Подснежник вырос на краю опушки,
Где говорливый прячется ручей,
И где свой голос пробуют кукушки.
На вырубке смолой вскипают пни —
В янтарных каплях солнце отразилось.
Неистов птичий хор:
Не мы одни
Наполнены хмельной земною силой.
Идем тропой в цветистый полумрак,
Губами ловим ветер горьковатый.
В пяти шагах под кронами овраг,
И венчики мать-и-мачехи по скату.
Зарос овраг травой и тальником,
Рогульки скрыл у старого кострища,
Но мы туда шагаем прямиком,
А вслед щегол свое чего-то свищет.
Охапка сучьев, спички да родник.
Щепотка соли и краюха хлеба.
Нам так немного надо в этот миг,
Лишь было бы безоблачное небо.
Студеной чистой наберем воды,
Костер займется поначалу робко.
И в котелке, закутавшемся в дым,
Забулькает нехитрая похлебка.
Здесь лишними покажутся слова,
На расстоянья узнаются мысли.
И будет дым по ветру уплывать.
Колеблющимся синим коромыслом.
И будет долго на сосне стучать,
В шапчонке набекрень трудяга-дятел,
И будет кружка с чаем горяча,
Как дружеские крепкие объятья.
Здесь наш бивак,
Обжитый, с давних пор,
Он по весне гостеприимно весел,
Вокруг замшелый Берендеев бор
Поет для нас придуманные песни.

БРЕЗЕНТОВЫЙ ГОРОДОК

Кедры слушают шелест пурги,
Смотрят кедры на огоньки,
Их зажег наш палаточный город
И к подножию сопки прилег.
В этот край доберешься не скоро,
В царство скал, бурелома, болот.
Здесь хребты - неприступные стены,
Голос ветра в ущельях высок.
Здесь туман, как фанера, слоеный,
А закаты, что клюквенный сок.
Мы уходим в маршрут спозаранку,
Лишь радист, под морозную звень
Прошивает веселой морзянкой
Задубевший от стужи брезент.
Нет сегодня вестей из эфира,
И к брезентовой нашей квартире
Тянут ветви в пуховых варежках
Кедры песенные со скалы –
Дорогие наши товарищи,
Старожилы сибирской тайги.

ПАРАЛЛЕЛИ СТРОИТЕЛЕЙ

Мы потому нечасто вспоминали
О письмах, не отосланных любимым,
Что нравы рек стремительных ломали
И направляли в мощные турбины.
С тайгой вступали в яростную схватку
Она ложилась просекой под ноги.
Недосыпали в тоненьких палатках,
Руду искали, строили дороги:
Вы от Тюмени, мы от Абакана…
Болот будили мшистые разливы.
И оставляли каменные раны
Не тверди скал рубиновые взрывы.
На покоренных дальних параллелях,
Что землю разграничили на части,
Взрослеем мы в строительных метелях
И обретаем мужество и счастье.

* * *

Горы угрюмые над нами,
К ним надо выйти до зари.
Ни деревца, лишь голый камень,
Да солнце в высоте горит.
Слепни в лицо летят, как пули,
Способные с ума свести.
Кипрей по гарям да багульник
На нашем адовом пути.
Обломки скал сердитым стадом.
В который раз опять в обход,
Кропит тропу соленым градом
Людской и лошадиный пот.
Романтика мозолей рваных, -
Ни умолчать, ни зачеркнуть! –
Сбивала ты с пришельцев рьяных
Восторга розовую муть
С мотивчиком отнюдь не новым.
И все. И замыкался круг.
Оставшихся вела сурово
Романтика рабочих рук.
Закономерно и понятно…
Вполголоса, дымя махрой,
Мы поминаем непечатно
Жару и комариный рой.
Работу делаем как надо,
Иначе делать не должны…
А под горой лежит прохлада
Письмом от любящей жены.

* * *

В том году, на редкость невезучем,
Шел геолог дальней стороной.
Он разбился на таёжной круче
И приполз на базу чуть живой.
У костра лежал в бреду горячем,
Торопливо путая слова.
И в больших глазах его незрячих
Трепетали капли серебра.
Смерть не знала жизни этой плату,
Собираясь тюкнуть сгоряча...
Положили парня на палатку,
Понесли в селенье на плечах.
Буреломом шли, сжимая зубы,
Не могли мы не дойти никак.
Он открыл обветренные губы
На постели в доме лесника.
И сказал, прищурившись от света:
«Наконец-то, парни, повезло!..»
Засиял алмаз росою светлой
На ладони стынущей его.

.

Ритмы планеты

ЧЕЛОВЕК СОХРАНИТ ПЛАНЕТУ

Катаклизмы шатали планету,
Атлантида в ничто валилась.
Разливались кроваво рассветы
Над слепой первозданною силой.
Необузданной и безумной,
Все бы стало пустыней лунной,
Оставляя лишь страх да пепел.
Да всему есть предел на свете.
И когда под истерзанным небом
Верить выдохлись даже боги,
Над росточком слабеньким хлебным
Замирал человек в восторге.
Но сейчас не природные шалости –
Мир шатают черные силы:
Жизнь и землю саму без жалости
Расколоть могут ядерным взрывом.
Только верим - не будет этого,
Тяга к миру неодолима.
Человек сохранит планету,
Ведь она, как росточек, ранима!

КРУГОВОРОТ

Земля вершит круговорот,
Пьет синь весны губами почек.
Взломала Волга зимний гнёт,
Волной черпнула ветер сочный.
Подснежник родился в лесу,
Ручьи средь камешков кудесят,
А жаворонки ввысь несут
Из солнца вытканную песню.
И беспечальна и проста,
Она, качаясь в далях синих,
Чиста, как девичьи глаза,
В которых плещется Россия.

УБИТОЕ ОЗЕРО

Сонных пташек чуть побеспокоив,
Из рассветной выплыли росы.
Вот оно здесь озеро какое,
Будто в невесомости весит!
Первые забросы - мы рисуем
Удочками на его холсте.
И, не поминая бога всуе,
Ждём на сковородку карасей.
Навострили по привычке уши,
Тянутся минуты, как года.
Но не видно даже и лягушек,
Пахнет подозрительно вода.
На мели мальки не хороводят.
И ничто на глади не плеснет.
От огромных радужных разводий
Сущей нефтебазою несет.
Как-то грустно стало вдруг обоим.
Из мазута поплавок таща:
- Ладно, дома лучше сварим мойвы…
Карасей не надо б обещать…
Напоследок, что вполне понятно,
Мы того - с булыжиной в груди –
От души покрыли непечатно:
К озеру теперь уж не ходить.
.. .Умный предсказал, глядел, как в воду,
Тень экологической беды, -
Что все меньше истинной природы,
Больше окружающей среды.

СТРАНА ВЕЗ ГРАНИЦ

На полке живут, словно братья,
Джек Лондон и Хемингуэй.
Прибита она над кроватью
В просторной квартире моей.
Беседую с книгами часто.
Встают из метели годов:
Спартак, поднимавший за счастье
На Рим легионы рабов.
Над древней землею Италии
Бросает призыв боевой
Седой патриот Гарибальди
И Овод - боец молодой.
Здесь все есть: и сказки, и были,
Мечта здесь не знает границ.
Герои, как будто живые,
Встают с невесомых страниц.
… Уносит буденовца Павку
В атаку лихой эскадрон.
Вступает в смертельную схватку
Несломленный Краснодон.
И чту я всегда, как святыню,
Страниц человеческий жар.
Стоят за плечами моими
Островский,
Фадеев,
Гайдар.

СТРЕМИТЕЛЬНОСТЬ

Двадцатый век отсчитывает годы,
Летит планета мимо звездных рек.
Стремительность - не ветреная мода,
Примета века, сам двадцатый век.
Он войнами кровавыми отмечен,
Кострами книг и лживостью чумной.
Но только бой во имя счастья вечен.
И быть не может истины иной!
Стремительная дерзновенность мысли
Раскрылась небывалостью идей.
Подвижничество, стойкость, бескорыстье
Не потеряли ценность для людей.
Знать рок его, а он порою сложен,
Но мы спешим дознаться до всего.
Сургут и рельсы БАМа - это тоже
Его примета, высота его.
Стремительности глубоки истоки…
Летит планета через звездный свет.
Двадцатый век, «Союзы» и «Востоки» -
Останутся приметой из примет.

ПЕРВОМУ...

Он такой же, как тысячи граждан:
Очень скромен и очень прост.
Есть в посёлке и в городе каждом,
Вместе с нами учился и рос.
Он мечты вещуна Циолковского
Сделал ярче увиденных снов,
В нем - рабочая хватка отцовская,
Материнская - к людям любовь.
Помогла ему трудности вынести,
Крылья давшая людям Земля.
...Я хочу, чтоб такими же выросли,
Как Гагарин, мои сыновья!

ЗВЕНИТ КАПЕЛЬ

Звенит капель, поутру с крыш ныряя.
В белесой пене дыбятся ручьи.
И, год минувший снова повторяя,
Горланят над гнездовьями грачи.
Откуда знать шумливым птицам этим,
Что на земле начался новый век:
Шагнул до звёзд в космической ракете
Обыкновенный русский человек!

Глухая пора

ЛЕТИТ МЕТЕЛИЦА

Опять метель. Опят снега.
Синиц не видно даже.
Белеют шапки на стогах,
Задумчивых и важных.

Постукал дятел и затих:
Не клеится работа.
А ветер - подгулявший тип-
Берет повыше ноту.

Сгибает сосны на холмах,
Как мачты галеонов.
И белая струится тьма
По парусам зеленым.

Убавит ход давно пора
И взять пора бы рифы,
Но мчит метелицы корабль
Уверенно и лихо.

Сам леший правит у руля,
А этот - не из робких.
У деревень и на полях
Все заметены тропинки.

* * *

Шелестят снега в сугробах лунных.
Ночь. Мороз. Да огоньки далеких сел.
Мчатся тучи, как степные гунны.
Дует ветер, холоден и зол.
И дорога вьется через тени,
Сквозь полынь…
Ни рощи, ни пенька.
Я с мороза вваливаюсь в сени
На зовущий отблеск огонька.
Распрямив продрогнувшие плечи,
Я смотрю в глаза твои без скуки.
Сядем рядом возле жаркой печи
И сплетем как прежде наши руки.
Помечтаем мы с тобою оба,
Глядя в печь на угольные гроздья.
Где-то шелестят снега в сугробах
И мороз выбеливает звезды.

* * *

Читает сумрак по оврагам
Следы звериные и птичьи.
Через сугробы твердым шагом
Идет мороз во всем величье.
То успокоит деловито
В лесу зайчишек-хулиганов,
То в поле, ветрами обвитом,
Дохнет в лицо заре румяной.
Для малышей окно распишет,
Утихомирит свист метельный,
И, наконец, под хвойной крышей
Его укроет частый ельник.
Вспорхнет с ветвей синичья стая,
Встречая новый день в дороге.
И сбитый снег летит, блистая,
Зайчатам звездами под ноги.

МЕТЕЛЬНЫЙ РОМАНС

Выла, висела метель на плечах,
И без костра было плохо.
Ветви - подбитые крылья - качал
Ельник да филином охал.
Капли со снегом, что дробь по коре.
Каждый сугроб изрешечен.
На можжевельнике гроздь снегирей –
Поздне - декабрьское вече.
Скромен и чист снегириный язык,
Будто наказ на дорогу.
Не потому ль их картечью сразить
Снежные вихри не могут.
Давит ненастья глухой потолок,
Воздуха кажется мало.
Но, закипая, звенит котелок –
Верный правитель привала.
С веткой смородины чай духовит,
Кружка гуляет по кругу.
Леший сегодня, должно быть, не спит
В эту свирепую вьюгу.
Ближе иди. Почему, старичок,
Пнем притворился замшелым?
Чаю, сухарик, цигарку еще?
Щедрые - ясное дело!
Сыздавна любим гостей привечать –
Древний обычай славянский.
...Возле костра хорошо помолчать,
Слиться с метельным романсом.

* * *

Тишину в заснеженном лесу
Лайка всколыхнула осторожно.
Покачнулся чуть приметно сук
Под звериной лапою, возможно.
Кто таится там, среди ветвей,
Осыпая с дерева иголки?
Снег струится синевато-колкий
Россыпью заманчивых огней.
Да, стрелять, пожалуй, не с руки
Под шатром замшелой древней ели.
Щелкнули взведенные курки,
Остается только шаг до цели.
Счастье улыбнулось было, но
Оказались у «разбитой чаши»:
Тяжело поднялся на крыло,
И исчез глухарь в таежной чаще.
Замерли сконфуженные мы.
Впрочем, пусть живет другим на зависть.
Но какой был все-таки красавец
С матовым отливом синевы!..

ЛЕСНОЙ ТЕРЕМ

Самая середочка зимы:
Падают снежинки не из ваты.
Пышные чащобные холмы
Заячьими лапами примяты.
И сюда слетелись на веселье
Снегири.
В роскошный терем этот,
Где такие королевы - ели
И такие алые рассветы.
встали над полянами-оконцами,
в хрустале искрящемся горят.
Кажется, что все еще не кончился
Яркий новогодний маскарад.

* * *

Среди зимы в глухую пору,
Когда в тиски зажал мороз,
Таинственный крадется шорох-
Рождает небо «шепот звезд».
Нацелен в дальние пределы,
Ему незнаем бег назад.
Луна ли это запотела,
Или туманятся глаза?
Пойди пойми, ресницы слиплись.
Роятся звезды в чаще крон.
И воздух, как до капли выпит,
И каждый вздох, что тяжкий стон.
Лыжня баюкает обманно.
Куда сиренам до нее!
Уже цветущая поляна
К ногам ломающимся льнет,
Укачивая эхом дальним
Под незатейливый мотив:
«Зачем спешишь куда-то, парень,
Жар-птицу думаешь найти?
Присядь под елью, успокойся.
Он так прекрасен – этот миг!»
… Порой до цели шаг какой-то.
Пустяк. Но так и не достиг.
Расслабился, забыл про шпоры.
Мол, брал Казбеки налегке.
… Сопровождает звездный шорох
Зажавших волю в кулаке.

МЕТЕЛЬ В ЛЕСУ

Снегири нешумливою стаею
Прилетают сюда каждый год.
По угорам в платках горностаевых
Водят ёлочки хоровод.
На кочкарнике шапки махровые
Набекрень их сбивает пурга.
Разбрелись по полянам коровами
И уснули уютно стога.
Заяц изредка сон потревожит
Разнотравьем духмяным кормясь.
Или рябчик мотивом несложным,
Или сойка, над зайцем смеясь.
Косачи из чащобы слетаются
Посумерничать чинным рядком.
А метель по болоту скитается,
Не жалея, видать, ни о ком.
И такая она беззаботная,
Отрешенная от всего.
Крутит нити тугие и плотные,
Рвет холстину белейших снегов…

ПОД ЕЛЬЮ

Где-то бродят метели,
Все сбывается в срок.
Тихо тлеет под елью
Небольшой костерок.
И у нас непогода –
Ветер с полночи зол.
Иглы падают в воду,
В прокопченный котел.
Под навесом затишье,
Хоть какой-то уют…
Выше - лешие свищут
Да заблудших зовут.
Будто зубья по коже,
Скрип лесин за спиной.

Туг припомниться может
Жуткий эпос лесной.
Напрочь вывернет душу,
Если жилка слаба…
Вьюга с яростью глушит
Треск углей и слова.
Лапы тянет седые
В отвоеванный круг,
Где вот так не впервые
Мы изводим махру,
Ублажаемся чаем
И противимся сну.
Где-то штормы качают
Даже землю саму.
И сюда заваруха
С шалым свистом пришла.
Небосвод вроде рухнул,
Жестким снегом шурша.
Шли по следу за лосем,
Но оборвана нить.
Все обычно и просто,
Как положено быть.
Жребий выбран несладок,
Доброй волей своей.
…В мыслях - ты уже рядом,
И привал веселей.

ГЛУХАЯ ПОРА

Летит поземка через сумрак синий,
Гася зари размытую полоску.
Лес на ветру звенящем тихо стынет,
В чащобе хмурой затаились лоси.
Пурга не в шутку:
Раскачались ветви,
Переговор синичий затихает.
И не было как будто бы рассвета.
Пришла пора декабрьская - глухая.

* * *

Закружилась метель над полями:
Крепкий ветер в её парусах.
И дымятся от белого пламени
Сосны в тихих декабрьских лесах.
Поутру, непогоду презрев,
Уведет за околицу тропка
К неизведанной светлой судьбе,
К разбежавшимся в поле березкам.
Лыжи звонкую песню поют,
А снежинки ведут хороводы.
Да как белое чудо встают
Из сумятицы белой сугробы.
Над Россией пурга улеглась –
Так лихие смиряются годы…
На простор, неохватный для глаз,
Небо пролило синие воды.

РЯБИНА

На плечо пустой рюкзак закинул,
Хрустом снежным потревожил сны.
Беззаботность заячьих тропинок
Привела к прогалинам лесным.
Там недогоревшими кострами
(Зачарован был не я один),
Словно люстры в стародавнем храме,
Кисти ярко - красные рябин.
Не от звуков древнего органа –
Угольками ягоды на снег.
Было тихо. Было очень рано.
Вьюжный ветер раздувал рассвет.
И снега лохматил на болоте,
Где рябины собирались в круг.
Вспыхивали в трепетном полете
Снегири, как искры на ветру.
Будто их из неуютной чащи,
К неподдельной радости людей,
Выпустил на крыльях шелестящих
В ясный мир какой-то чудодей.

В КАНУН ЛЕДОСТАВА

Клубились тучи…
Нет, совсем не то:
Лишь дым клубится,
И под ветром тихим
Стремится вверх,
Как куст или цветок …
А тут веселье марсианских вихрей,
Им в унисон стволов и веток треск,
И дождь, и снег идут стеною белой…
Все стихло к ночи,
Звезд холодный блеск,
Ненастье, обессилев, присмирело,
Мороз ударил. Дымкой берега
Задернула накидка заревая,
И с шорохом таинственным шута
Вниз по реке неспешно уплывает,
Всему в природе выдан свой черед:
Цветенью, листовею, ледоставу.
Выходят рыбаки на юный лед,
Охотники косых тропят на славу.
Вдоль изгородей виснут снегири
Фонариками, вспыхнувшими в пору,
Еще калина по садам горит
Последними кистями: стужа скоро.

Гимн весне

ГИМН ВЕСНЕ

Дробится солнце в лужах частых,
Скворцы к домам своим вернулись,
Их трели, щедрые, как счастье,
Летят в простор знакомых улиц,
Еще шуметь весенним водам
И рекам дыбить горы льда,
Водить березкам хороводы
Сквозь синь и зелень по утрам,
Еще шуметь весенним ливням
И первым молниям сиять.
Мир в обновленьи вечно дивном
С волненьем нам воспринимать.
Все то, что есть, и то, что будет…
Проникшись юным вдохновеньем,
Ловите чудное мгновенье,
Мир открывающие люди.
Пусть книга мудростей природы
Необходимой станет книгой,
Ведь что-то новое приходит
К нам с каждым пережитым мигом,
.. Опять над домиком дощатым,
Наш быт украшивая сельский,
Скворец, весны-красны глашатай,
Создал свой первый гимн апрельский.

ПЕСНЯ ВЕСНЫ

Рассвет прокрался оленёнком рыжим
В распадок, где на потемневший снег
Упали тени сосен, словно лыжи.
Неясные, как зверя силуэт.
А в скалах ветер ведьмой свирепеет.
И кажется, что в поредевшей тьме
Летят в чертогах старца берендея
Иван с своей царевной на коне…

РАЗЛИВ

Льдины берег то и дело ранят…
Думается только об одном:
Сразу столько встреч и расставаний,
Жаль, что все с водой уйдёт потом,
На яру сосна стоит, как терем,
А под ним шаманят родники.
И теплынь такая, что не верим
В холод льда на зеркале реки.
Выворотни медленно плывут,
Будто притомившиеся лоси.
Кружева из пены струи ткут
И вдогонку за весной уносят.
На разлив - накал больших страстей…
У реки натура человечья.
Гуси пролетают в высоте.
Мир прекрасен - Старый, Добрый, Вечный.

МАРТ, ВЕСНА

Ситчик неба васильковый, яркий
Март весне набросил на плечо
Бескорыстным, от души подарком,
В синеву влюбленный горячо.
Ей навстречу шел дремучим лесом,
Сквозь пургу, морозный звон полей.
Мир казался сотканным из песен,
Беспредельным в щедрости своей.
Медленно раскачивались сосны
На крылах проснувшейся зари.
Стригли синеву ушами лоси,
Пламенели в чаще снегири.
Все живое свету очень радо:
Эту радость март с собой принес.
А сосульки разразились градом
Долгожданных и прозрачных слез.
Март цветов пока не обещает –
Лес за зиму здорово продрог.
Но, весну-красавицу встречая,
Вербы распустились вдоль дорог…

АПРЕЛЬСКАЯ МЕТЕЛЬ

Мела без роздыха метель,
Косматым лешим выла.
А шел уже к концу апрель.
Но это было, было!...
Куражилась на площадях,
В скворцовый свист не веря,
Проталин вешних не щадя,
Почти у майской двери.
Шутейно косу намела,
Нет ходу без лопаты.
-Зима вернулась? Ну, дела!
Старуха, может, хватит?
На пахоте, к примеру, быть
Давным-давно пора бы.
Клянем ей косточки за прыть,
За слякоть и ухабы.
Житейское. А что ты хошь?
Но оттого не легче.
Планету с круга не свернешь,
Ворчаньем не излечишь.
Событий торопя черед,
Мы часто забываем,
Одна на всех - не подведет –
Есть истина простая:
Что в жизни так заведено –
И грусть, и радость рядом.
А небо, будто светлым сном
За вьюжный день наградой.

ЗОВ ВЕСНЫ

Растаял снег, и в платье скромном
Пришла весна в сосновый бор.
Глухарь-красавец в пышной кроне
Заводит мерный разговор.
С холмов сорвался ветер свежий.
Чу! Слышен дальний первый гром.
Поднялся робкий гвоздь-подснежник
Над ручейковым серебром.
Путь пробивает в день весенний
Штыками зелени трава.
Ручьи, ныряя в легкой пене,
Бормочут, как тетерева.
Костер багульника на круче
Весны приветствует приход…
Последний конь уже завьючен:
Прощай, жильё, пора в поход!

* * *

Цветёт черёмуха. Опять белым-бело
В проулке от метели лепестковой.
И тишину расплескивают снова
Горластые грачата над селом.
В заречье громыхнуло не шутя,
Тряхнуло струи ливня голубого.
Земля вздохнула молодо и ново,
Зелёною листвою шелестя.
Растаяли тропинки до тебя,
Что я топтал по снегу вечерами.
Опять метель черемух за плечами,
И снова ветры майские трубят.

ЧЕРЁМУХИ

Им бы бежать в распахнутую ширь,
Но белые царевны-недотроги
В реку глядятся пристально и строго,
 Как дети, открывающие мир.
А жаворонки с ними говорят
О синеве, трепещущей и зримой,
О песне, словно жизнь, неповторимой,
 Похожей на весенний водопад.
Над ними зори росные плывут,
Роняют в травы щедро позолоту,
Но недотроги загрустили что-то,
И что-то возле сердца берегут.
Их грусть светла. Она не о былом,
В той грусти и раздумья, и веселость:
Ведь за прекрасным трепетным цветком
Стоит в себе уверенная зрелость.

В сосновый бор вхожу, как в храм

СОСНОВЫЙ БОР

В сосновый бор вхожу, как в храм,
Стволы и корни в дымке светлой.
Здесь росный жемчуг по утрам
Нанизывает на травинки лето.
Куда ни ступишь, под ногой
Сухие шишки да брусничник.
Качается над головой
Негромкий пересвист синичий.
Прикрыв засилие песка,
Подушка хвойная пружинит.
Смотри, привстали на носках
Маслята крепкие дружиной.
Над ними щеголь-мухомор
Великолепный зонт расправил.
Таинственность лесных озер
В искусной сосенной оправе.
Зовет чудесный бор к себе
Русалочьими голосами.
Стволы, что мачты кораблей
С распущенными парусами.
И навевают мне сквозь шум
Не скуку серо-дождевую,
Размеренность спокойных дум
И грусть понятную, живую.
А сосны вознесли зарю
Над чащами и над Россией.
Я удивленно говорю:
- Такую мощь пески взрастили!

ПЕСНЯ БОРА

Размотанная лента бездорожья
Уткнулась безнадежно в косогор.
Она осилить, кажется, не может
Тот склон пустячный в тот сосновый бор,
Где так легко пружинит под ногами
Опавшая душистая хвоя.
Где так надежно, озаряя память,
Забытая, проснется грусть твоя,
Подобная неуловимой тени.
Вдруг ощутишь желаний простоту.
А что, вот стать бы просто на колени
И поклониться первому кусту,
Брусничке, можжевельнику, комочку
Пронизанной кореньями земли,
Который, будто сердце, между прочим,
В ладонях благодарственно звенит,
Что ты не враг и не из равнодушных ,
И хамством совесть не пятнал свою.
Сосновый бор гудит прекрасно. Слушай!
А строки остальное допоют!

УТРО В БОРУ

Брусника у болота зрела,
Трудяга дятел мельтешил,
Туманной пряжи нити белые
Расчесывали камыши.
Звала кукушка грустным голосом,
Куда-то к сумрачным логам.
А ты, мои взъерошив волосы,
Смеясь, сказала: «Не отдам!»
Раскачивались сосны тихо,
Шумели кроны-паруса.
Через поляну шла лосиха.
Спокойно влажный глаз кося.
Струилось утро терпкой свежестью
С твоих ладоней и ресниц.
Был бор насквозь пронизан нежностью.
И трелями, и свистом птиц.

ЛЕСНАЯ ПЕСНЯ

Дым костра, сиреневый и пряный,
Заструился возле шалаша.
Опустился ветер на поляны,
Скошенными травами шурша.
Отряхнулась сонная осока,
Освежилась в ласковой волне.
Ловит свет тенистая протока.
Где - то голос чистый зазвенел.
Перестала воду пить лосиха,
Повернула голову на звук.
Капли серебра стекают тихо
На песок с ее шершавых губ.
Девушка-красавица,
Склонившись над водою.
радостно поет.
И речушка трогает волною
Руки загорелые ее.

* * *

Изюбрей да сохатых топот
Здесь царил до недавних пор.
Комарьё вилось над болотом,
И качался замшелый бор.

Вдалеке, в небольшом распадке,
Где ручей по-весеннему крут,
На поляне костры и палатки,
Боевой, неоседлый уют.

Вздрогнет соболь в дупле кедровом
И медведь отступает прочь,
Человечий заслышав говор,
Гул моторов, прогнавших ночь.

Люди дальше идут, атакуют…
А весна уж вступает в права:
Глухари по тайге токуют,
И дерутся тетерева.

Долетает лишь взрывов рокот
От лазурных далеких гор.
Да гудят в вышине над болотом
Провода меж стальных опор.

* * *

Край сиреневый и березовый –
Неприметная красота,
С басовитыми летними грозами,
С ивняком у родного пруда.
Снова вижу дорогу длинную,
По которой идти да идти.
Но как эту вот стежку полынную
Ни в каких краях не найти.
И нечаянно, давними грезами,
Всколыхнется под сердцем вновь
Край сиреневый и березовый.
С белой пеной цветущих садов.

БЕРЁЗЫ НЕ СПЯТ

По сердцу мне наши берёзы,
Их песенный шорох листвы,
Закат изумрудный и розовый
На платьях березок блестит.
Тумана волнистые космы
Укутали на ночь стога,
А ветер мальчонкою босым
Забился в камыш у пруда.
Все реже лихие зарницы
Тревожат чернильную мглу,
И только березам не спится
Над полем в росистом дыму.

ЛИВЕНЬ

Распластан небосвод напополам,
И раскололся воздух над болотом.
Тяжелый невод тащит ветром к нам,
Который весь из пряжи ливня соткан.
Богатый нынче выдался улов:
Медведь и лось в его тенетах частых,
Седой глухарь, семья тетеревов
Да мы с тобой для полной чаши счастья.
Упругий гром стволы и травы тряс,
В нем было что-то яростное, рысье.
Но ветер быстро убежал от нас,
А невод в душной чаше растворился.
Опять над нами ласточки кружат,
Им до заката не угомониться.
Лишь дождевые капельки дрожат
Жемчужинами на твоих ресницах.

ГРОЗА

Над увалом раскатисто гром проворчал,
Ветер пыль деловито жгутами свивает.
Вдоль откоса речного тропа горяча,
Будто пышущий жаром ломоть каравая.
Замолчали кузнечики. Полдень померк.
Только волны бормочут под яром устало,
Да тропинка все так же петляет в траве,
Словно нет у нее ни конца, ни начала.
Беззаботно снуют малыши - кулики
По сыпучим пескам от залива к заливу.
Но все ближе сверкающих молний клинки
Вровень с иссиня-черной косматою гривой.
Небо - надвое. Ливень - вселенский потоп.
Это вал грозовой налетел на равнину.
Скуден воздухом каждый короткий глоток,
И не капли, а пули вонзаются в спину.
Все стихии земные сплелись у реки,
Будто вновь повторяется драма Помпеи…
Но позвали к землянке своей рыбаки,
Потеснились на нарах, улыбкой согрели: -
Перетрусил? До косточек, верно, промок?
Вкусно пахнет махоркой и свежей ухою.
- Оказаться в такой чехарде, паренек,
Одному - незавидное дело! - Не скроем…
Тот нежданный приют возле Вятки-реки,
Безыскусное слово в избушке рыбачьей
Помогали и после мне, как маяки:
Если было невмочь, если падал в пути,
Верил, люди спасут. И не думал иначе!

НОЧНАЯ ГРОЗА

Раскат. Заложило уши.
И тьма раскололась со звоном.
Казалось, стреляли пушки
Нашего дивизиона.
Тяжелые капли по крышам,
Как ливень осколочный, спорый,
А молнии без передышки
Плели огневые узоры.
Картину армейских учений
Вернула мне цепкая память:
Слепящее так же свеченье
И гильз перезвон под ногами.
От ливня и пота дымились
Стволы и солдатские спины…
А детям, наверное, снились
Военные кинокартины.

ЛЕТНИЙ ЗНОЙ

В зените облачко повисло,
Над ним - чуть видные стрижи.
Вдоль плеса ивы коромыслом,
Где зной прохладу сторожит.
Тут лишь стрекозы у залива
Ведут обычную кадриль.
По большакам косматой гривой
Горячая и злая пыль.
Машине и тебе не сладко,
Мотор трагически звенит.
Прогноз приелся:
«Без осадков,
Плюс тридцать градусов в тени».
Из - под капота гарь бензинная,
С виска шоферский тяжкий пот…
А в далях хлещут ливни синие
И нива жадно влагу пьет.

* * *

Сугробы снега тополиного
По переулкам намело.
Как в декабре, белым-бело!
Жару машины давят шинами.
На старых ветлах у пруда
Скворцов ватага разомлевшая.
Покрыта ряскою вода -
Нечесаною гривой лешего.
Сбежав из дома на заре
(Отцы их в поле в это время),
Мальчишки удят пескарей
Под крутояром за деревней.
Насосы у пруда поют
В соседстве с камышовой чащею,
Над зноем медленно встают
Полива радуги ярчайшие.

ЗЕМЛЯНИКА

Дымчато-топазовые росы
Сенозарник - месяц подарил.
На угорах земляники россыпь –
Капельки негаснущей зари,
Что однажды пали с небосклона...
Зная привлекательность свою,
За село, где ветер травы клонит,
Солнечные ягоды зовут.
Скромницы равнины среднерусской,
Нашей синеглазой стороны,
На свиданье к вам тропинкой узкой
Каждый год вдвоем приходим мы.
Здесь дрозды всегда о чем-то новом,
Вслушайся, уверенно поют...
Губы у тебя в соку бордовом,
Губы зноем лета отдают.

* * *

Утром дождь грибной проморосил,
Гром в низовья укатил со звоном.
Окунишки брали в меру сил,
Колыхалась дымка над затоном.
Лето земляничное лежит
Посреди березок у оврагов.
В купол незабудковый стрижи
Выстрелены солнечной отвагой.
Все плотнее хоровод стрекоз
Над осокой, и над росной мятою.
Только поплавки мои вразброс
Шевелятся сонными утятами.
Вот под Бурцем - там рыбалка, да!
Но и тут не высохнешь от скуки…
Через Вятку мчатся поезда –
Будущие встречи и разлуки.
…Не достанешь в прошлое билет.
Лишь с грустинкой в памяти прокручен
Тот, двоим подаренный рассвет,
Из числа, бесспорно, наилучших.
Благодарность теплая живет
И завороженность этим краем,
Где тебя, пусть и не каждый год,
Но с улыбкой доброй вспоминают.

ВЕЧЕР В ЛУГАХ

Над Кильмезью пелена дождя
И волн взлохмаченные гривы.
Устал по тальникам блуждать
И поднимать чирков пугливых.
На плесах сумрачных следы
Разбушевавшейся стихии.
В лицо и с неба и с земли
Летят дробинки дождевые.
Себя корю за эту блажь,
Отаборясь в тиши приречной,
Нахохлился сырой шалаш
Наседкой сумрачной под вечер.
Среди стогов дотаял день
Со стонами болотной выпи.
Отавы сочная кипень
На бродни крошевом налипла.
К костру с безмерной высоты
Сова метнется без боязни,
Чирочья стая просвистит
И в темных камышах увязнет.
В такую пору не уснуть.
И, между делом, понемногу
Осмысливаю прошлый путь
И предстоящую дорогу.
Сквозь думы проскользнет рассвет,
И не в охотку вся охота.
Осталась лишь одна забота,
Что писем от тебя все нет...

ДОЖДЛИВАЯ ПОГОДА

Зарядили дождики хлестучие,
День, другой...
На много дней подряд.
Языком простуженным измученным
Ивы с непогодой говорят.
Стали омута, что очи черные.
Дебри ив раскачивает дождь.
Щучки здесь нацеленно-проворные -
Даже их сегодня не найдешь.
Небо плачет или глубь воды -
Тонкий слой вспузырен пограничный.
Над лугами плотный водный дым,
Знобкий, потому и непривычный.
Да на плесах мокнет тишина,
Под кусты упрятаться не мысля.
Ни ухи не сваришь, ни пшена -
Удилища никнут коромыслом.
И палатка стала на лугу
Чем-то вроде Ноева ковчега.
И сказать, по правде, не смогу:
Где сейчас земля, а где там небо?
Непогодь... Но только рыбака
Непростая вещь загнать под крышу.
Стукнул дятел,
Скрип дергачей слышу.
Кажется, редеют облака.

РЫБАЦКОЕ УТРО

Летняя ночь коротка,
Сумрак исчез, словно не был.
Берег пустынен пока
Под розовеющим небом.
Лишь за плотами вослед
Крыльями крачка просвищет,
Да встрепенётся сосед,
Дремлющий над удилищем.
Не угадаем мы, где –
Птица с зарею сольются?..
А поплавки на воде,
Чисто русалочьи бусы.
Вздрогнет то тот, то другой,
В темень речную ныряя.
Вдруг удилище дугой –
Крепкий рывок ударяет.
Леска гудит, что струна.
И дремоту будто сдуло:
«Ну, выводи, старина,
К отмели эту акулу!..»
Не угасает азарт,
Рыба на плесах играет.
В трубки набит самосад,
Крепче, чем шутка мужская.
Взгляд на добычу мельком:
«На два кило…»
«Не потянет!»
А с озорным ветерком
Смыло остатки тумана.
Тянутся лентой плоты,
Сонные плесы минуя.
Солнце глядит с высоты,
Плесы лучами линует.

ЗВЕЗДА ДВОИХ

В притихшем ельнике сыром
Ветвей и теней пряжа.
Через замшелый бурелом
Тропа ведет в овражек.
Спешит, таинственно маня.
Она зверьем пробита:
Тут косолапая ступня
Соседствует с копытом.
Замысловато петли вьет,
Как будто что-то ищет.
И наползают на нее
Малинник да черничник.
Из плена вырваться спеша,
В овраг нырнула свечкой,
Где мелкой галькою шурша,
Ручей бежит навстречу.
- Да сгинет тьма! Теперь вперед!
Курлычут струи звонко.
Она за ним не отстает
Доверчивой девчонкой.
А впереди - озерный дым,
В осоке бродит цапля.
Крути по зеркалу воды,
Как на пластинке запись.
О чем? Да так. Горит звезда
Надежды или счастья.
Не будь так тесен мир,
Тогда – двоим не повстречаться!

МЕЧТА РЫБАКА

Приворожила ночь короткая.
Сна что-то нет. И не клюет.
Над белой отмелью, над лодками
Парок предутренний плывет.
Молчат звонки на закидушках,
А впрочем, что на них грешить.
Лишь тихо, согревая душу,
Берут косматые ерши.
В них и отрада, и спасенье,
И котелок ухи… Пока.
Река собакою на сене
Не может стать для рыбака.
Копна палатки в низких дюнах,
Темнеют скаты от росы.
Ансамбль пернатых тронул струны
Сверяй с природою часы.
Косясь с надеждою на донки
(Ерши ершами, сварим, но…),
Сейчас раздуть костер резонно,
Угас под пеплом он давно.
В удачный день тут быть бы пиру,
Ворчу, без этого не мог, -
С такой рыбалкой не до жиру…
И вдруг - застенчивый звонок.
Как зов волшебницы-сирены,
Сон наяву, мечта в руках.
…Утихомирен лещ отменный,
Мерцают жемчугом бока.
Развеял ветер ночь короткую,
Стрижи отправились в полет.
Ущербный месяц хрупкой лодкою
В туманной заводи плывет.

ПРИЗРАК НОЧИ

Вязь следов. Луна. Густые тени.
Звездная рассеянная дымка.
На суку замшелом без движенья
Призрак ночи рысь, как невидимка.
Сиверко за полночь свирепеет,
А у ней и кисточки не дрогнут.
Лишь в глазах с прищуром тихо тлеет
Огонек расчетливо-холодный.
Час за часом, с выдержкой звериной,
Отмечает все недремным оком,
Чтобы жертве - молнией за спину,
Молнией бесшумной и жестокой.
На весы азарт удачи брошен
Голосом седых тысячелетий.
Падает колючая пороша
Через промороженные ветви.
На сугробе вмятиной глубокой
След оборван... Россыпи рубинов...
Пять когтей, упрятанных до срока –
Пять смертей в пушистых магазинах,
Что не знают промаха и страха...
Гребень леса медленно бледнеет.
И уносят бархатные лапы
Хищницу в чертоги Берендея.

ВЕЧЕРНЕЕ

Идёшь косогором, а травы и землю
Незримо опутали теплые токи.
Деревья усталыми птицами дремлют,
Да плещется рыба на дальней протоке.
В лугах чей-то голос веселый и сочный,
Костер догорает, и фыркают кони.
Плывёт тишина через сонные рощи.
По грудь утонув в соловьином трезвоне.

ВОЛК

Флажки, облава - мечутся следы.
Ну, всё! Казалось, отвернулись боги.
Но вновь от неминуемой беды
Его проворно уносили ноги.
Он признавал один закон - клыка,
Неправедность деяний не смущала.
Пронес жестокость волчью сквозь века,
Попробуй, отыщи её начало.
Кого во всем - природу обвинить?
За ум его, коварство, злую силу,
Что жалостью к живому наделить
В потемках эволюция забыла.
Отнюдь не мучил зверя грозный рок,
По совести не била кровь добычи.
И непомерной тяжести оброк
Считаться почему-то стал обычным.
Берет, а что? Всего-то ничего…
К беде своей, утратив чувство меры,
Мы в «санитары» возвели его
И величали селекционером.
А беспощадный серый «санитар»
Пластал налево и направо.
На жертвенный алтарь шли млад и стар,
За край опарой расползалась слава.
Помочь могли облава да картечь –
Понятна и, как гвоздь, проста идея.
Строкой короткой в «Красной книге» лечь
Не угрожает этому злодею.
Он травлен был и стрелян много раз,
Обводит всех с уверткою отменной. …
Горит в ночи зеленый волчий глаз,
Мороз по коже, что наскок мгновенный.

* * *

Зной июльский струится
сквозь частый тальник,
Бор стоит зачарованный и недвижимый,
Где к прохладе речной
низкий берег приник,
Воду черпая гроздью кувшинок.
Сосны словно кого-то томительно ждут.
Омут светел до самого донышка.
Так и кажется, выйдет вот-вот к бережку
И на камешек сядет Аленушка.
Закачаются волны у девичьих ног,
Ветер прядки льняные потрогает.
Да березка примчится на тот бережок –
Безыскусна, чиста, босоногая.
Будет девушка петь без печали в глазах.
С поволокою радужно-синей.
Стороною уйдет, приумолкнет гроза,
Лишь останется песнь о России.

В НАЧАЛЕ НОЧИ

Остывает сосновая бронза.
И расплавленный в речке закат,
Где-то бродят и ливни, и грозы –
Гром доносится издалека.
Колыхается запах смолистый,
С тихим треском горит береста.
Спят кувшинки. На глянцевых листьях
Мирный отблеск ночного костра.
Он с прищуринкою веселой,
Как котенок, под боком прилег.
Мотыльки и бесшумные совы
Собираются на огонек.
Звезды, плач перепелки под вечер,
Бор сосновый, росинка - Отечество.

СОСНОВЫЙ МЫС

Сосновый мыс насквозь просвечен,
Закат позолотил стволы.
Хвоинки падают на плечи,
На пряжу чистую воды.
Последний лучик нитью тонкой
Связал земное с неземным,
И пляшут над водой подёнки,
И стелет вечер сизый дым.
Мелькает щука за корягой,
Расплескивая алый сок,
Косые тени скоро лягут
На остывающий песок.
Пора бы вколотить рогульки,
И котелок воодрузить.
Но хвост леща дугою гулкой
Возник на том конце лесы.
Она хлестнула по водице,
Готовая ловца согнуть,
А рядом сонно бродят птицы:
«Авось и нам чего – нибудь
Достанется…»
Щедроты наши
Известны братии лесной.
Костёр растёт цветком бесстрашным,
Огненноликою блесной
Среди тумана.
Звёзды, вечер
Привычно волшебство творят.
И вновь сосновый мыс просвечен,
В ухе купается хвоя…

РОЖДАЕТСЯ СТРОКА

Ставлю многоточие в строке…
Уж костры рыбацкие на плесах
Чуть дымят, как в пальцах папироса,
Да горит заря на тростнике.
Сотни лун плывут через затон –
Россыпь перезрелых апельсинов.
Кажется, черпни волну веслом –
И они потоком в лодку хлынут.
Рябь смешала дно и облака
В берегах, согнувшихся подковой.
На заре рождается строка
Вместе с перезвоном ручейковым.
Словно откровение земли
И её артерия живая,
Он в оркестре утреннем звенит
Первой скрипкой солнечного края.
Звонкие пластинки серебра
Осыпает папоротник в воду.
Мне желает всякого добра
Ласковою женщиной природа.
Будоражит уток в тростнике
Первый луч, сорвавшийся с утёса.
Пью рассвет, настоянный на росах.
Ставлю многоточие в строке…

Осенние мотивы

И ВРЕМЯ ОСЕНИ ПРИШЛО...

Ветер крылья расправил - и клены
Листья-звезды сложили у ног.
А осинник, огнем опаленный,
Шелестит вдоль пустынных дорог:
«Чувствам трепетным, неподвластная –
Оглянись, в край чужой не спеши...»
«Ах ты, осень, разлука ненастная!» -
Вторят утки и камыши.
Уходить ей дорогами длинными.
Лег туман на речные пески.
Росным утром труба журавлиная
Позовет. И умчат косяки.
Я по следу, прощаньем взволнованный.
Лес в огне, и в огне облака.
...С каждой осенью что-то новое,
Неизведанное пока.

ОСЕНЬ

Небо смеётся, сверкая как сталь.
Тучи ушли на покой.
В синем тумане теряется даль,
Чист небосвод голубой.
Стынет рябина, склонясь у плетня
К жниве желтеющей ржи.
Стая за стаей летят и летят
С криком глухим журавли.
Знать нелегко
Край родной покидать,
Доли им нет на чужбине.
С новой весной возвратятся опять
К тоненькой русской рябине.

ОСЕННЯЯ РАДУГА

Пусто и тихо. В лесные чертоги
С неба то морось, то дождик, то град.
Стелется старой холстинкой под ноги
Бурая тропочка сквозь листопад.
Скучно и серо без веры в удачу
И без надежды на лучшие дни…
Осень обиженной девочкой плачет:
«Где сарафанчик из радуг цветных?»
«Радуги, радуги…» Всхлипнет от жалости
Кто-то еще в переплете ветвей.
Рыжики по можжевеловым зарослям,
Будто упавшие радуги те,
Я собираю в ведерко их бережно,
Чтобы из леса домой принести.
Пусть появляется солнце все реже –
Радуга есть, и нет смысла грустить.
Знаю, домашних находки порадуют,
В кухне поселится запах грибной.
Грустью прекрасна пора листопадная.
Ты ее видела вместе со мной.

* * *

Фантастичен наряд осины,
В нем все краски осенние слиты,
Где-то клич прокатился лосиный,
Влажной чащей и дымкой укрытый.
В мысли общей синицы сойдутся,
Что роскошен багрянцевый праздник.
Листья - опустошенные блюдца –
Тихо-тихо планируют наземь
Каждой жилкой горят, каждой гранью,
И морозом пока не задеты.
На проселке глухом, на поляне –
Листопадное многоцветье.
Все светлее экраны опушек,
Осыпают листву то и дело.
Затерялись воронки волнушек,
Как веснушки на лбу загорелом.
Лишь по старой коряге опята
Устремляются к небу сырому.
...Золотая дорога до дому.
Загрустил перелесок знакомый.
Почему? Это ж очень понятно!

* * *

Ночь шершавой ладонью метели
Разровняла морщины земли.
И прямые, как истина, ели
Над обрывом речным поднялись.
Изумленно притихло заречье:
В тишине загрустивших полян
Ветер соснам роняет на плечи
Куржака искрометный туман.
Первый снег. И строкою по снегу
Отпечатался заячий след.
Запоздалый и робкий рассвет
Поднимают березки на небо.

СНЕГИРИНАЯ ФЛЕЙТА

Вот и снова промелькнули рядом,
На пути своих кочевий древних,
Красным запоздалым листопадом
Снегири упали за деревней.
Их прилет, как полоса открытий,
Что еще в такую пору лучше?
Непугливо стая, деловито
Семена чертополоха лущит.
К ним иду по тропке неприметной
В утро и морозное сиянье.
Бликами румяного рассвета
Видятся мне эти северяне.
До заката посвист снегириный –
Флейта, да и только - не кончается.
На метелке высохшей полыни
Птица, будто лампочка, качается.
Шелестят задумчиво будылья,
Зайцы натоптали за ночь стежку.
А по ней березы: звездной пылью
Скромные украшены сережки...

* * *

Кинула на улицу луна
Теневые длинные поводья,
Осадила ветра-скакуна,
Он копытом пыль с дороги поднял.
Раскидал по небу облака,
Собственною гривою косматой.
И его широкие бока
Стали гаснуть розовым закатом.
К изгороди темной своротил,
Охладел, смирился постепенно.
Только видно: падает с удил
Белая черемушная пена.
Расчесала гриву для красы
Ельника зеленая гребёнка.
А наутро встал он из росы
Маленьким игривым жеребёнком.

* * *

Ручей, пока ничем не скованный,
Бежит по снежной новине,
Прибрежный луг отзеленел,
Примятый тучами - коровами.
Но грива трав легла не вся
Под их осенними копытами.
Метель спешит седыми нитями
Её украсить, не спросясь.
Всему на свете свой черед:
Разлукам и желанным встречам,
Словам, что мир прекрасный –
Вечен! Как и земной круговорот!

* * *

Тиха печаль ночных лесов,
Присыпанная звёздной пылью.
Стекает на речной песок
Туман с лугов на мягких крыльях.
Все чередом, за кругом круг:
Разгульность листопад теряет,
Метель захороводит вдруг,
Предзимье олицетворяя.
И тянет льдистым холодком
С лесных озер, речных излучин.
Вода густа, как молоко,
Чуть слышно булькает под кручей.
Струят берёзы ровный свет,
На них костёр бросает блики.
Мой собеседник многоликий
И добрый спутник с давних лет.
В беде не отвернет лицо…
Вот так бы нам не знать измены!
Тиха печаль ночных лесов.
Грядут в природе перемены.

Эхо войны

ЭХО ВОЙНЫ

Распевали жаворонки звонко,
День, что васильковые глаза...
Грохот долетел до горизонта.
Неужели первая гроза?
Знать, утихомирится нескоро
Эхо огневых военных лет:
Вот и в этот раз нашли саперы
Сброшенную «юнкерсами» смерть.
Осторожно бомбу откопали,
От людей подальше увезли.
Доносилось лишь из дальних далей
Гулкое дыхание земли.

РАНЕНАЯ БЕРЁЗА

Снега и ливни налетали,
Ветры дули,
И плыли над берёзой облака.
А под корой
Ржавели тихо пули,
Упрятанные будто на века.
Раскалывая стылые рассветы,
Здесь грохотал
Священный давний бой.
Срубило у берёзы кудри-ветви
И ствол прошило строчкой пулевой.
Война ушла в историю седую.
...Зимой дровишки требует жилье.
И надо же! –
Соседи не другую –
Спилить решили именно её.
Пила по пулям –
Будто стон мгновенный
Из памяти суровой донесло.
Хозяин шапку снял благоговейно:
- Военная! Живи смертям назло!

ДИКИЙ ЛУК ДЕТСТВА

За делами все недосуг
По заречью пройти, где привычно
Стрелы выкинул дикий лук
В направлении трелей птичьих.
…Спутник горьких военных лет –
Был он сладок для нашей братии.
Мы в луга удирали чуть свет,
Не спросившись ни деда, ни матери.
Босиком, чтоб обувку сберечь,
Вдоль разложин брели кочковатых,
А остатки тумана нам встреч
Пролетали комочками ваты.
Знали, место отыщешь не вдруг:
Там поляна - в уреме окошко.
Щедро выстрелил дикий лук
Прямо в наши худые ладошки.
Носом к носу бесхлебья беда:
Нет, совсем не от жизни хорошей,
Как мечтаний предел - лебеда,
Дольки черных тяжелых лепешек.
Но они еще где-то растут.
Ждать за зиму смертельно устали,
Будто кланяясь божеству,
Мы зеленые шильца срывали.
Вся добыча на круг, как всегда,
Соль в тряпице комком сероватым,
Не забудется эта еда
От худобы прозрачным ребятам.
…Все же вырвусь на пойменный луг
Убедиться, что там, по соседству
Снова выстрелил дикий лук
Из бессмертного нашего детства.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Сколько лет прошло, а помнится:
Май, березы, облака.
Мы встречали за околицей
Первого фронтовика.
Тихо звенькали медали
И поскрипывал протез.
Да, его в дому дождались –
Муж вернулся и отец.
Мы шагали тесным строем,
Слившись разом в боль одну.
Старики, дымя махрою,
Крыли подлую войну:
«Пятьдесят лишь только с нашей,
Только пять пришло назад...»
Похоронок шелест страшный –
Черный-черный листопад.
Не слабел, хлестал отчаянно
Без разбора ветер зла.
Обучались мы молчанию
У бесхлебного стола,
В затяжных военных сумерках
Среднерусских деревень.
Но в тот день плохое умерло,
Бабы ожили в тот день.
Сколько зим и лет не ласканы
Крепкой мужнею рукой.
В дом соседний шли с припасами
Да с «водичкой огневой».
Ну, а мы на подоконниках
Приобщались к торжеству.
Радость светлую гармоника
Разносила за версту.
И, конечно, павших вспомнили,
И про нас, про нашу жизнь.
А в прорехи крыш соломенных
Звезды майские лились.
В тот раз пляски, помню, не было,

Спел «Землянку» наш сосед –
Опаленным гордым лебедем
Уплыла в седой рассвет
Эта песня - боль понятная,
Память о фронтовиках.
И встают из сорок пятого
Май, березы, облака.

ПОХОРОНИВШИЕ ВОЙНУ

Страницы памяти бессонные
Не пролистнуть, не оттеснить…
К нам в сорок первом похоронные
С июля стали приходить.
В деревне плач - вздымались волосы,
С недетской мукой взгляд детей.
Любовь и солнечную молодость
Бумажки уносили те.
И зрелость мудрую без жалости.
Кровавым был войны покос…
Хотелось самой малой малости –
Не видеть бабушкиных слез.
Но почтальон (с каким мучением
Он сумку нес, как тяжкий крест)
Вручил два сразу извещения,
Два пункта помню - Луцк и Брест.
Отцов могилы - две воронки,
Да пирамидка со звездой.
А в сорок пятом похоронка
Последняя пришла, весной.
Соседок помню: скорбно очень
В прическах теток плотный снег.
Вернется день тот страшной ночью –
На крик срываешься во сне.
И снова Брест, как соль на рану,
И горечь, будто я в дыму.
Нет, сниться нам не перестанут
Похоронившие войну!

НАВЕЧНО С НАМИ

Бугрится земля возле самой опушки.
Что холмики эти хранят за собою?
Из бора доносится голос кукушки,
А небо над ним - полотно голубое.
О давних боях тут ничто не расскажет.
На зорях, как встарь, комариные пляски.
Упрятал за годы заросший овражек
И гильзы, и пули, и мятые каски.
Бугрится земля... Здесь солдатские души
За дело святое в огне растворялись,
Здесь танки рычали и тявкали пушки,
Мужчины России здесь насмерть стояли.
Ничто не расскажет, но чуткая память
Известных хранит имена и безвестных
На обелисках гранитных и в песнях,
И, значит, навечно останутся с нами!

ЛЮДИ ПОМНЯТ

Проходит не слабеющая память
Через окопы, через давний бой.
Лежат они невидимыми швами
В ромашках, в овсянице луговой.
Над ними то бураны, то капели
Сшибаются в дубравах на скаку.
...А тут штыки граненые блестели
И трехдюймовки били за реку.
Выл Азин и полки со славой звонкой -
Суровая история Полян.
Бежит сквозь годы Вятка к горизонту,
Траншей морщины заровнял туман.
Но люди не забыли, люди помнят,
В их душах струны чуткие слышны.
Густой травы сиреневые волны
Бегут из самой мирной тишины.

НАКАЗ ЖИВУЩИМ

В нетленной памяти людской
Поныне раны кровоточат.
Давным-давно окончен бой,
Но список каждый год короче -
Тех, кто до Волги отходил
И кто закаменел до срока,
От безымянности могил,
От безысходности жестокой.
Тех, кто от Буга нес, как крест,
И слезы вдов, и счет потерям,
Кто всем смертям назло воскрес,
В Победу и у края веря.
Без этой веры, что кривить -
Не увидать бы светлой доли.
Она у россиян в крови
Ещё от Куликова поля.
В беде и радости с тобой
Суровая, кристально чистая:
Под Ленинградом и Москвой
Она нам помогала выстоять.
Людские головы метель
Железная косила, злая.
Её дыханье и теперь
Нам о себе напоминает:
От старых незаживших ран,
Без стона на исходе ночи
Сосед скончался ветеран.
И список стал ещё короче.
Ничем восполнить не дано
Потерю эту.
Камнем давит…
Он наказал нам лишь одно:
Под ладан слов его не славить.
И чтоб не прерывалась нить,
Наказ ушедших всем живущим:
Мир и Отечество хранить!
Нет на земле призванья лучше

ПАМЯТЬ

По асфальту шаги ребят,
Жизни нынешней шаг уверенный.
Караул в память наших солдат,
Тех, что мир нам беречь доверили.
Кто с войны не вернулся домой,
Кто в могилах покоится братских.
Завещали нам жизнью самой
Чтить их ратный подвиг солдатский.
Где-то пули в земле лежат,
До сих пор осколки ржавеют.
Память страшной войны свежа,
В души болью и гарью веет.
И она не умрет никогда!
До тех пор, пока есть человечество.
Воплотились война и года
В монумент, именуемый вечностью.
На граните так ярко горят
Строчки, строчки имен и фамилий.
В сорок первом ушедших ребят,
Что Отчизну собой заслонили.
Мы к подножью приносим им,
Нашим братьям, отцам и дедам,
Теплоту тех цветов живых,
Что вернула нам вновь Победа.

БЕРЛИН. 1945

Не три державы - вся Европа
Остались за его спиной,
И сколько вырыто окопов,
Каким был длинным путь домой!
На гимнастёрке ряд медалей,
След автоматного ремня,
Шинелька пятнами подпалин,
Кисет, кресало для огня.
Зовет на перекличку память:
Сошлись со всех фронтов в Берлин,
Оплаканные не слезами -
А дымом отческих руин.
Его крестьянские ладони
Остановили бег войны:
Железным бранденбургским коням
Не прыгнуть с каменной стены.
В смертельном умирают храпе
В конце бесславного пути...
Он за Россию кровь по капле
Отдал, чтоб вот сюда прийти.
И расписаться.
Штык граненый
Один на весь погибший взвод.
...Горел рейхстаг.
Был май зелёным.
И алым - сорок пятый год.

СЕДАЯ ПАМЯТЬ

На безымянных высотах
Из мрака небытия
Встают замшелые ДОТы,
Седую память храня;
В земле ржавеют осколки
И пули рядом лежат.
Ковыль раскинул метёлки
Над прахом павших солдат.
И к изголовью жесткому
Сибиряков, москвичей,
В огонь ушедших подростками,
Летят из летних ночей
Напевы чьи-то бессонные
И зов далеких гудков.
А им же, долг свой исполнившим,
Не встать из грозных годов.
Пред ратным подвигом ихним
Любые меркнут слова.
И шепчут матери тихо,
Что память вечно жива!
Она - металлом оплавленным
Под сердце бывших солдат.
Вонзилась острою памятью
Десятилетья назад.
И не уйдёт, не забудется.
Она ревниво хранит:
И Сталинградские улицы,
И Заполярья гранит,
Багрово-дымные тучи
За Доном и за Днепром,
И жизнь, и смерть неразлучны
Под многослойным огнём.
Где права не было выдано
Не победив - умереть...
Осколкам болью невидимой
Под сердцем вечно гореть.
Гореть частицею пламени
У стен седого Кремля.

...Высоты встали, как памятник,
Что изваяла Земля.
На тех изрытых высотах,
Средь зоревой тишины...
Молчат замшелые ДОТы -
Седая память войны.

ОТГРЕМЕЛ БОЙ

Снова осень несет к обелискам
Листопадных метелей багрец.
Встал навеки на мраморе чистом
С автоматом и каской боец.
Жизнью собственной невозможное
За Россию свершил, за народ.
Листья тихо ложатся к подножию,
Мирных дней продолжается ход.
Под дождями остыло оружие.
Давний бой отгремел и затих...
Листья, грусть навевая, кружатся,
Словно искры костров фронтовых.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

В дальних далях, за росами,
Из сиреневой тьмы
Тихо катится плесами
Шар безмолвной луны.
Цвета алого знамени
Уплывает в туман
Вслед за матерью-памятью
На Мамаев курган.
Там характеры русские
Проверяла война,
На осыпанных брустверах
Залегла тишина.
Тополя над покосами
Видят мирные сны,
Тихо катится плесами
Шар безмолвной луны..

НЕ ЗАБУДЕМ

В те дни нам было… Что там было!
Мы смутно помнили отцов
Но и по нам война садила
И не щадила огольцов.
От черной вздрагивали вести
С недетской мукою в глазах:
«Свой долг солдат исполнил с честью…»
И все, и не придет назад.
Не знаем, где он похоронен, -
К Берлину путь суров и крут.
Замолкли пушки. В вешнем громе
Победный прозвучал салют.
…День снова майский, тридцать пятый!
С полей доносит мирный гул.
Фронтовиков седых внучата
Встают в почетный караул.
Цветы на мраморе не вянут.
Проходят годы, грусть светла.
И все же эту память-рану
Мы не залечим никогда.
Ведь с боем, продвигаясь к цели,
За мир, за Родину, за нас
Они и жизни не жалели
В последний свой и смертный час!

ОГНЕННАЯ ДУГА

Тень воспоминаний… Поле чести
Выло на пути - не в стороне.
Как в небытие за перекрестьем.
Смертный взгляд сдвигался по броне.
«Тигра» ствол нацелен в душу прямо,
На испуг пытался взять всерьез.
Прикипели пальцы к панораме.
Кто кого? Секунды на вопрос.
Выстрел…. Взрыв…
И боль тугая в уши,
Боль на много-много лет в груди.
Завалилась круто набок пушка,
Но и танк без черепа смердит.
Поднимался медленно наводчик,
Будто в невесомости немой.
В мозг и медсанбатовские ночи
Врезался осколков жуткий вой.
Да землица - горькая, сухая,
Да в бреду горячем: «Заряжай!»
…Поле брани нивою вздыхает, -
Ведь под сердцем пахари лежат.
В гильзах и окалине горячей
Кончена последняя страда.
Что? Конечно, и солдаты плачут
О друзьях, ушедших навсегда.
И как прежде, мужественно светел
Пахарь-воин землю сторожит.
Прохоровка… Чуткие рассветы.
В поднебесье жаворонок. Жизнь!

МЫ ЖДАЛИ ЭТОТ ШАГ

Курантов бой, звенящий снег
Течет над Спасской башней.
Несет в себе двадцатый век
Весь груз тревоги нашей.
Такие войны видел он
(Жгут память угли эти!),
Что был невыносимым стон
Истерзанной планеты.
Ее способен исцелить
Лишь к миру шаг реальный.
И как же люди всей земли
Такого шага ждали!
Уходит год, итожа спор,
Качнул весы ракетные:
Он подарил нам договор,
А с ним - надежды светлые,
Что люди ядерный кошмар
На свалку все же сбросят,
Чтоб цвел земной прекрасный шар,
Шли мир, и счастье в гости,
Чтоб человека человек
За труд и правду славил,
Чтоб, уходя, двадцатый век
Нам добрый след оставил,
Двенадцать раз куранты бьют.
Стал год уже вчерашним.
Звенящих звезд ночной салют
Плывет над Спасской башней.

* * *

Вдоль реки
Дымящимися банками - «тигры».
К переправе не прошли.
Он за весь расчет противотанковый,
Он в ответе за судьбу земли.
Пулемётной очередью срезанный
Ждал врага со связкою гранат.
А над ним в истерзанном березнике
Умирал сиреневый закат.
Гусеницей вражеской прострочена
Человечьей памяти свежей
Луговина обняла наводчика
На его последнем рубеже.
Травы спутав с челкою соломенной,
Он к груди Руси щекой приник.
Капли крови, пареньком оброненной,
Проросли созвездьями гвоздик.
Песня их задумчивая катится
В бирюзовый мир.
И каждый год
Рощицы в черемуховых платьицах
На окопах водят хоровод.
Нам напоминают, что безусые,
Трусость и предательство презрев,
Здесь стояли насмерть парни русские,
Утверждая правду на Земле!

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

«...Прости, родная, за плохую весть:
На Безымянной кончились патроны.
Спасибо за любовь твою, за честь
Остаться тут на сопке опаленной...»
Прострелен кожух, вытекла вода,
Пустая лента брошена на камень.
А смерть уже в полутора шагах
Ощерилась фашистскими штыками.
Не дописал последнего письма.
Допишет ротный, и узнают дома,
Что там - на фронте - ранняя весна
И грохот гроз, и пушек гром за Доном.
Не надо ни молебнов, ни похвал -
Он выстоял, как выстоял бы каждый.
И врос навек в гранитный пьедестал
С губами, пересохшими от жажды.
Девчонки по росе и синеве
Цветы сюда приносят на рассвете.
Здесь тишина
И гильзы средь камней -
Свидетели солдатского бессмертья!

ПОКАЯНИЕ

Их остается очень мало, люди.
Все реже их стальной когда-то строй.
Ушедшие живущих , не осудят…
Нам суд вершить сегодня над собой.
Не ждать,
Когда предъявит счет всевышний
За все просчеты, за ошибок груз,
За всех живущих
под российской крышей,
За канувший в историю Союз.
За многое, что походя топтали,
За черствость и неправые дела.
…Солдаты, умирая, не роптали,
Желали, чтобы мы счастливей стали,
А главное, чтоб Родина жила!

ПРИЗЫВНИКИ

Под машинку стрижены,
Стали вдруг похожими
Друг на друга -
Разные вы ещё вчера.
Впереди армейская
Служба, как положено,
И бои учебные
С яростным «УРА!»
Писем ожидание,
Гарнизоны дальние,
Где шторма без устали
Сутками свистят.
А пока. под звёздами
Встречи, расставания.
О своих возлюбленных
Девушки грустят.

БАЛЛАДА
О СОЛДАТСКОЙ ВДОВЕ

Цвет черемухи над поймою
Говорливой, синеокою.
А над речкой неспокойною
Ель застыла одинокая.
Красотою неприметная,
Искаженная ветрами.
Но стоит по-вдовьи строгая,
Ветер робко ветви трогает.
Ах ты, память, память горькая,
Волны плещутся у берега.
...Ты, по-вятски тихо окая,
Тайну мне свою доверила.
- Сыновья войной схоронены,
Полегли четыре сокола.
Вот храню их похоронные...
Нет! Она не одинокая.
Горе тяжкое осилила
С несгибаемой Россиею.
Лишь во сне по старой памяти
К сыновьям рукой потянется.
Ах ты, память, память вечная,
С нерастраченною лаской.
Ель, застывшую над речкою,
Вижу я вдовой солдатскою.

АЛЁНКЕ

Ты жила со мною по соседству,
Был влюблён в тебя не я один…
Снились нам в суровом сорок первом
Паруса заветных бригантин.
Ласки, не познавшие, отцовской,
В дни войны до срока повзрослев,
Мужество обретшие подростки
Шли на смерть, опасности презрев.
Падали и снова поднимались
С вражескими пулями в груди,
А на землю зори опускали
Паруса багряные свои.
Шли солдаты тем путем неблизким,
Заслонив собою дом родной.
Юность тех, кто спит под обелиском,
Возродилась в дочке озорной.
По росе сверкающей и звонкой,
Словно свежесть утренней поры,
Топает курносая Алёнка,
Разбросавши по ветру вихры.
За селом, гусей сгоняя в стаю,
Стелется озерный легкий дым.
К горизонту тихо уплывают
Паруса заветных бригантин.

ТЯЖЕЛО В УЧЕНЬЕ...

Километры, едкий пот,
Знойный воздух плотный.
В наступление идёт
Батальон пехотный.
В далях пыль, как жирный дым,
Солнце выжгло лица.
Трудновато молодым
Воевать учиться.
С полной выкладкой вдвойне,
А привал нескоро.
«Легче будет на войне!»-
Так учил Суворов.
До высотки два броска,
Чтоб сцепиться с «синими»,
До орудий у леска
С шеями гусиными.
Щелк затворов. Ну, пора!
Силу обретая,
Сухо катится «Ура»,
Все с пути сметая.
Штурм окончен, и в тени
С шутками расселись.
Так приходят к молодым
Мужество и зрелость.
Ах, какой же вы народ
В жизнь и мир влюбленный!
С песней к лагерю идёт
Батальон колонной.

Лирические Раздумья

ЧЕРЕМУХА СМЕЕТСЯ НАША

Мы с тобой черемуху садили.
Не садили, просто слёзы лили.
Не в земле, в душе своей копались
И на злые камни натыкались.
Сколько можно было их ворочать?
Ты сказала: «Хватит, покороче…
Нам зачем с тобой любовь такая?
Мы идем, при свете спотыкаясь…»
Но мое таежное упорство
Пересилить далеко не просто.
Мы с тобою не одни на свете
И не только за черемуху в ответе.
Ты сказала: «Было, утрясется…»
И теперь черемуха смеется
Солнцу, голубому небу, людям.
Больше, вправду, ссориться не будем?!

ТРЕЩИНА

Наговорили дерзостей друг другу,
Без жалости швырнули их в лицо
И разошлись. Окошки лижет вьюга,
Большим-большим и виноватым псом.
Следов его не видно у крылечка.
Она молчит. Ну кто же виноват?
Проходит порознь, словно вечность, вечер.
История, конечно, не нова.
За днями глубже трещина разлада.
Где Грей теперь? А где теперь Ассоль?
А ведь скажи один из них: «Не надо!»
Уверен, не несли бы эту боль.
Да и позднее просто пара строчек,
По телефону утренний звонок
Могли бы сделать вдвое путь короче
Для их сердец, а, впрочем, и для ног.
Упрямому молчанью нет предела.
И на обоих впору накричать:
Ну, что же ты по глупости наделал?
Как ты могла забыться сгоряча?!
Но обоюдный шаг пока в тумане,
На неизвестной, в общем-то, волне.
…Двумя словами можно насмерть ранить,
Одним - возможно исцелить вполне!

ЖЕНЩИНАМ РОССИИ

И не княжны и не царевны,
Но что за стать, и что за взгляд,
А хоровод их за деревней,
Как распускающийся сад.
Над росным луговым разливом
Уже замечено не раз:
Судьбой особою красивы
Простые женщины у нас.
Знаком им труд в широком поле
И путь во фронтовом дыму.
Они не сетуют на долю,
Растят детей и нивы жнут.
Не гнутся худенькие плечи
Под грузом будничных забот.
В запасе - ласки человечьей
У них - не на день, не на год.
И ничего, что иней в косах,
Морщинки чаще возле глаз:
Плыть журавлям, дымиться росам
И зорям пламенеть для вас.
Берёзам и ручьям звенеть,
Переполняясь вешней синью.
Спасибо, женщины России,
Что вы живёте на земле!

* * *

Берегите женщин, берегите,
Даже в будни им цветы дарите!
Не жалейте теплоты
И слов сердечных,
С ними мы бессмертны, юны, вечны!
Их глаза нас в стужу согревают,
Лаской голубеет в них Отечество.
Пусть они не знают в жизни вечера
И разлуки горестной не знают!
Берегите женщин, берегите!
В этом долг - совсем не одолжение!
В них судьбы счастливой - продолжение,
Свет неумирающих открытий!
Если рядом Вы - из песен соткан
Каждый миг с неповторимой силой!
Был бы мир без Вас совсем постылым,
Мы без Вас, как птица без полёта!

ЖЁНАМ

Мудрость, но не ахти какая -
Признаемся один на один:
Женщин преданность открываем
До незнаемых раньше глубин.
Через муки размолвок тяжелых,
Седину. И в мелькании лет
Нам нужна ваша преданность, жёны,
Ваших глаз оживляющий свет.
Ваших чувств высочайшая проба
Нам нужна, словно дереву сок,
Как живительный ток кислорода,
Как в пустыне водицы глоток!

ЭЛЕГИЯ

Без тебя и капель не звенит,
В сердце льдинкой лежит разлука.
Ты тревога моя. Соль земли.
Ты улыбка моя и порука.
Без тебя и цветы б не цвели,
Не вставали бы в росах рассветы.
Без тебя - мир совсем не велик,
И дорожек нахоженных нету.
Но ведь надо идти и искать
Острова, перевалы и строки.
Над судьбою нелегкою встать
Чистым голосом, нотой высокой.
Без тебя… Ну, да что говорить.
Скупы мы на заботу и ласку.
Не торопимся душу открыть,
А ведь надо давно уже настежь.
Чтобы видеть за гроздьями лет
Мудрость верст, слов простых и поступков.
Без тебя? Нет! И сотню раз нет!
Будь же ясной, как раннее утро!

ТЕПЛО РУК

Устала Алёнка, по горам лазая.
Маму сквозь сон обнимает рукою.
- Спи, наша радость зеленоглазая,
Мы, словно небо, всегда над тобою.
Мы да Отчизна, да клёны высокие,
Да бормотанье дождя озорного.
Спи, говорунья розовощекая,
Счастье грядущее, шара земного.
…Мы лишь порой вспоминаем в разлуке,
Как сокровенное самое, в жизни,
Все то тепло,
Что отдали нам руки -
Руки родителей, Руки Отчизны.

* * *

Ты сказала:
Обиды не можешь простить,
И что песня любви
безвозвратно допета.
На ресницах слеза
изумрудом блестит,
Как роса
отзвеневшего знойного лета.
Что ж, прости,
Я за прошлым бежать не хочу,
Только в край мой,
Где шепчут родные березки,
Я, как птица,
по новой весне прилечу,
Чтобы встретить тебя
Над речным перекрестком.
Ты осталась в душе,
словно грусть и досада,
В белом платье мелькнула
на лунной горе.
Тополя шелестят над калиткою сада,
Как листы в беспристрастном календаре.

* * *

Укоротились ночи.
Только сны
Не стали ни яснее, ни короче.
Они приходят чаще, между прочим,
Как туча - с неизвестной стороны.
Откуда ждать?
Они - как ветер с тор,
Они, как боевая колесница.
У них порой таинственные лица,
И непонятен их немой укор.
В них юность, что единожды дана,
И кем-то неразгаданная кротость.
Летишь навстречу ей,
Срываясь в пропасть,
И никогда не достигаешь дна.
В них разбираться надо бы мудрей.
А мы в пути свою шлифуем зрелость.
За окнами тихонько развиднелось,
И свет дневной разлился по лицу.
Укоротились ночи.
Ну, а сны
Не стали, разумеется, короче.
И нам несут они в разгар весны
Ту песню, что почти из многоточий…

НЕРАВНОДУШИЕ

Било, мяло во всех измерениях,
Как по камням в несущейся бочке.
И друзья внесли предложение:
«Можно ставить, пожалуй, точку!»
Смысл понятен. Припоминается,
Говорили и раньше похожее,
Неужели, мол, не приедается
Синяки свои с шишками множить.
Нахамили в трамвае кому-то,
Забранились: «А ну, перестаньте!»
...Синяки считаю наутро -
Не терплю ни хамства, ни брани.
Дача в год на зарплату - не верится!
Сын о маме забыл колхознице!..
Синяки на лице - перемелется,
Вот в душе - они посерьезнее.
Я подумал: «Что же откроется,
Если следовать данным советам -
Ни окрыситься, ни расстроиться,
Видеть все в розоватом свете?»
К злу спиной. Для чего еще мучиться?
До чего же мыслишка простая.
И почувствовал с крепнущим ужасом -
Обывательством обрастаю!
Нет уж! Так существуйте сами,
Все с оглядкой да с тихонькой робостью...
Лучше жить на душе с синяками,
Чем пятнать ее черною подлостью!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Полушалки берёз теребя,
Бродит сумрак по росам обильным.
Я сегодня увидел тебя
И ещё... наших дочку и сына.
Мне приснились родные места -
Лента речки и берег знакомый.
Здесь зари розоватый накал
Держит заводь в широких ладонях.
Выплыл месяц, как разинский струг.
Дуб стоит, величав и расцвечен.
Белый, белый ромашковый луг
Звездопад принимает на плечи.
На привалах в избушках лесных
Коротки наши встречи, любимая.
Обрывает короткие сны
Утром дальняя песнь журавлиная.
Репортерские вечные хлопоты
В лихорадочной круговерти...
Мы идём через хляби болотные
Бородаты, и злы, как черти.
...Но сейчас наяву, не во сне, -
И смеясь, и от радости плача,
Ты бежишь над Волгой ко мне,
Ты летишь,
Ты не можешь иначе.
От ромашек луга, что снега.
Голос твой над рекой отаукал.
В синей дымке плывут берега.
Вот и кончилась наша разлука.
Теплоход с басовитым гудком
Ткнулся боком в заветную пристань.
Да, по правде, совсем нелегко
Быть подругою журналиста.

СВОЯ ВИНА

Случайный взгляд на пройденное брошен -
Немалая охапка лет и зим.
И ты довольно сильно огорошен
Безрадостным открытием своим:
Упущены прекрасные мгновенья,
Какие годы мимо пронеслись.
Хотя ворчал с язвительным сомнением
На спешку будней, серенькую жизнь.
Давно с женой язык утратил общий,
Стал сухарем законченным вполне.
Ты часто на судьбу-злодейку ропщешь.
...А все случилось по твоей вине.

НЕЖНОСТЬ

Взял в дорогу улыбок сиянье,
И землицы щедрейшую горсть.
Расставания и расстояния -
Это исстари так повелось.
На перрон в сарафанчике светлом
Ты пришла. Косы русым венком.
И любовь, что была незаметной,
Вдруг проснулась с последним звонком.
Словно встретил сегодня впервые,
Словно где-то ходил стороной.
Разбросал белопенные крылья
Тополиный июньский прибой.
Приютила нас в час расставанья
В том прибое, как лодка, скамья.
Дай мне руку твою.
До свиданья!
Ясноглазая нежность моя.

* * *

Мы шагаем по снегам искрящимся,
Как по звёздам Млечного пути.
Лес вокруг - баллада настоящая,
Ничего прекрасней не найти.
Варежки пуховые отбросили,
Разметали шубки на ветру,
На поляну выбежали сосенки
Отряхнулись и застыли вдруг.
-Здравствуйте!
А небо синью плещется.
Мы идем с тобой рука в руке.
И несем любовь простую, вечную,
Найденную в дальнем - далеке.
Тенькают поблизости синицы.
Ты и этот край - моя судьба.
У тебя снежинки на ресницах,
Облака и солнышко в глазах.

* * *

Резвым туманом белое платье
Невзначай промелькнуло в толпе.
Но не видел – одна ли была ты,
По заречной уйдя стороне.
Как найти мне, никто не подскажет,
Отголосок сердечной струны.
Ночь узоры алмазные вяжет
Тонким серпиком юной луны.
По следам промелькнувшей улыбки
До рассвета в аллеях брожу,
И столетние слушают липы
Повторенное эхом «Ау»…

ДВА ЛИЦА

Считался другом много лет,
Но жизнь беду наворожила.
И вот - ни здравствуй, ни привет!
Как будто так оно и было.
Слюнявый сеет шепоток:
«Остерегал, предвидел… вышло -
Увяз у птички коготок,
И ей теперь уж точно - крышка».
Анатомирует молву,
Дотошно, профессионально.
Он вездесущ - то там, то тут:
Пронюхать, вызнать досконально.
А слух скончался, не созрев,
Все утряслось и стало нормой.
Он, голос совести презрев,
Спешит с улыбочкой покорной.
Отчаянно молю: «Судьба,
Не порождай двуликость слепо!»
В душе осталась горстка пепла,
Была огромная беда…

СЕЛАЙ ПЕРВЫЙ ШАГ

Девушка стояла у пруда,
Теребила розовый платок.
А над ней гудели провода
Чистотою лермонтовских строк.
В лужах лёд потрескивал слегка,
Вновь весна -
Свершен круговорот.
А она считала облака:
«Любит? Нет?..
Придёт? Иль не придёт?..»
Полыхал закатом у пруда
Трепетный, как горлинка, платок.
«Не пришел...»
Для девочки - беда.
Но ничем помочь я ей не мог.
И забыть готова, и простить,
Сохраняя неприступный вид.
Сколько их у юности обид -
Горьких так,
Что невозможно жить.
Горьких.
Даже горше, чем полынь...
Сделай первый шаг,
Но примиренья.
Для любимой он не одолженье -
Разлилась в глазах её теплынь.
Чувство, что приходит на года,
Трудно через годы пронести.
.. Двое у застывшего пруда.
Лунный свет
Таинственно блестит.

ДЕВЯТИКЛАССНИЦЕ

Еще весна - и выпускницей
Уйдешь в черемушный рассвет.
И долго-долго будут сниться
Друзья, которых рядом нет.
Те годы школьные воспеты.
Пора настанет - в дальний путь,
На все самой искать ответы,
Без права у соседа «сдуть».
Без прав на малую ошибку -
Иначе и не стоит жить.
Не каждый золотую рыбку
Способен в море изловить.
Суть притчи, в общем-то, простая:
От сотворения земли -
Зерно в том поле прорастает,
Где человечий труд звенит!
Он сладок - хлеб твоей удачи,
Как гимн упорному труду.
Не дрогнешь в первой битве, значит,
Успехи новые придут.
И будут рядом друга плечи.
Свиданья будут. Как не быть?
Еще вдали прощальный вечер,
Когда в последний раз входить
В любимый класс, где все родное,
Не пряча повлажневших глаз...
Девчонка с челкой озорною,
О чем задумалась сейчас?
Тропинка через годы мчится
От буквы «А» до теорем.
Со светлой грустью ученица,
О чем мечтаешь, станешь кем?
Пух тополя роняют с веток,
Лежит пороша вдоль дорог...
Десятый класс стоит за летом.
Переступи его порог.

УЧИТЕЛЮ

Он нам внушал:
«Не шкурничай, не лги!
Кому-то трудно – молча помоги,
Не дай остыть горячности своей
Перед неправдой.
И не зачерствей.
Чужой беды не отведи рукой,
Не бойся окунуться в непокой.
Будь предан делу, и друзей храни -
В суровый час не подведут они.
Не изменяй, прошу, мечте своей,
Разумное, и праведное сей.
За правду – хоть на плаху, хоть на крест,
Нет двух смертей!
Бессмертье – это есть!»
Его слова по жизни с нами шли
Сквозь пыль дорог
И сквозь соленый пот.
Неправоту они углями жгли
И согревали в полосе невзгод.
Нечасты встречи, стал совсем седым
Учитель наш, бывалый фронтовик.
В долгу великом вечно перед ним
За каждый день прожитый, каждый миг.
Где мера человечьих добрых сил?
Отдал нам щедро всё, что только мог,
Нас, как детей любимых, он хранил.
Но собственного сердца не сберег!

НАСТАВНИКУ И ДРУГУ

Ты проходишь рядами, учитель наш первый,
В классе тихо, ни звука – лишь перья скрипят.
Каждый год вспоминаешь и проводы в сквере,
и ушедших из школы в бессмертье ребят.
Те мальчишки до срока сдавали экзамен
На изрытой снарядами отчей земле,
В крепостных казематах писали штыками:
«Мы не дрогнем. Клянемся, Россия, тебе!»
Им оценки в бою выводили комбаты -
Победившим, прошедшим сквозь дантовый ад.
Для врага высотою остался не взятой
Героизм несломимых безусых солдат.
Где истоки его, далеко или близко,
В первом шаге, иль слоге, иль первой строке,
Или в ленинской вечно немеркнущей мысли,
В неподкупной любви к необъятной стране?
Ты проходишь рядами косичек и челок,
Седовласый учитель, наставник и друг.
…Не стыжусь ни цветов, ни поклона земного,
Что утрами сентябрьскими я приношу.

• * *

Сохраняем в сердце навсегда
Первого учителя и школу.
Незабвенны школьные года,
Гомон переменочный веселый.
Мы пройти готовы, хоть сейчас
Самую тяжелую дорогу,
Чтоб за все, что доброго есть в нас,
Поклониться школьному порогу.

ПРОЩАНИЕ СО ШКОЛОЙ

Нелегко с миром детства прощаться,
Что-то грустно стало слегка.
Тихо в бывшем десятом классе -
Ни подсказок, ни шепотка.
Ни обычной возни, ни шуток.
И, по-честному говоря,
Перед дальним и трудным маршрутом,
Посерьезнели лица ребят.
А девчата, как лебеди белые,
Видят солнечный горизонт,
Где сбываются замыслы смелые,
Явь прекрасней, чем сказочный сон.
Вспоминают снова и снова
Недосказанные слова.
…Смолкла музыка выпускного,
Расставания час настал.
Посветлел небосвод бирюзовый,
Утро в росный оделось наряд.
И как слёзы, в глазах у школы -
Выпускницы в окнах стоят!

• * *

Лебяжьи сны плывут над изголовьем:
Он открывает города и страны.
А утро, щуря розовые брови,
На цыпочках шагнуло через раму.
И принесло с собою день сентябрьский,
Чеканенный тончайшей позолотой,
И синеву невиданной раскраски,
И первые серьёзные заботы.
Полны глаза неизмеримым счастьем,
Мальчишки нынче до рассвета встали.
Кем станешь ты, вихрастый первоклассник,
Шагающий в распахнутые дали?
Выть может, покорителем Галактик.
Строителем на Марсе и Венере…
Трудны дороги будут, и не гладки,
От первой буквы до открытий первых.
Но все желанья непременно сбудутся,
И воплотятся замыслы в действительность.
…С цветами и портфелями по улице,
Шагает поколение мыслителей.

ПИСЬМА

Письма тоже стреляют,
Письма ранят, как пули.
Нас они исцеляют
От невзгод и от боли.
Не водой наговорной
Письма раненых лечат.
Поднимают нас в гору,
Расправляют нам плечи.
Заставляют без страха,
Отвечать на удары.
Часто письма – не сахар,
И отнюдь не подарок.
То с иронией едкой,
То с улыбкой хорошей,
То ласкают, что лето,
То снежком огорошат.
И светлы, и туманны,
И просты, и зубасты,
Но всегда, долгожданны
Нам обещанным счастьем.
Если где-то плутают,
Мы тоской одержимы…
Вот такими бывают
Письма наших любимых!

* * *

У папы с мамой куча дел.
Займутся ли со мной – не знаю?
Я им, наверно, надоел.
А мне так взрослых не хватает.
«У лукоморья дуб зеленый…»
Прекрасен сказочный мотив,
А папа с мамою к знакомым
Ушли. Когда дождёшься их?
Мы – непоседы – ребятишки.
Где мы – там суматоха, смех.
Мы любим мультики и книжки,
Но папу с мамой – больше всех!

ЛИРИЧЕСКИЕ РАЗДУМЬЯ

У людей дороги различные,
Но с Россией одна судьба.
…Листья осени рдеют вишнями
В перелесках и грустных садах.
Бродит дождик полями зелеными,
Золотистое моет жнивье,
На скамейке под теми кленами
Я увидел себя самого.
Эти косы, и эти плечики
Память вынесла издалека, -
Как и мы, эти два человечка,
Прикрывались полой пиджака.
Это счастье с глазами огромными,
Круглолицее, как луна,
Я впервые обнял под клёнами,
И сказал, что она одна,
Для меня вот под этими гроздьями,
Обрываемой ветром листвы…
Снова даль голубыми звёздами,
На румянце зари блестит.
Круглолицее, круглолицее,
Непохожее на других.
Письма часто
Летели птицами
Через вихри сибирской пурги.
На далёкую трассу к строителям,
Прилетали издалека,
Грели юные души жителей
Полотняного городка.
И на штурмы шагали мы первыми,
Опрокинув тайгу и мороз,
До безумия были верными
Чистой памяти русых кос.
Комсомольскими бредили песнями,
И читали стихи взахлеб.
Дорогие мои ровесники -
Покорители дальних дорог.
Те, кто в жизнь уходил без диплома,

Те, кто парту на стройку сменил,
Ускоряя строительным громом
Пробужденье таёжной земли.
…Голенастая и вихрастая,
Юность школьных счастливых лет,
Рисовала густыми красками,
В сердце первой обиды след.
Круглолицее, круглолицее,
Непохожее на других.
Письма редко усталыми птицами,
Прилетали из лютой пурги:
«…Вихревыми годами этими
Ты мне очень понять помог,
Что тебя я случайно встретила
На распутье наших дорог.
Мы, конечно, останемся теми же,
Тропы дружбы не зарастут.
Вот уж год, как живу я замужем,
И окончила институт.
Извини за письмо откровенное,
Что пойдет под крыло тайги…»
Круглолицее, незабвенное,
Непохожее на других…
Я тебя приподнял из памяти,
И словесным протер наждаком.
Это наш животворный памятник,
Под коротеньким пиджаком.
На скамейке под теми кленами,
Где когда-то сидели мы,
Юность смотрит глазами влюбленными
Танец пурпура и листвы.
И сегодня стучит отчаянно
Сердце, яркою верой горя, -
Эта встреча у них не случайная,
Как порою у нас говорят.
Эти чувства у них не ложные,
Это счастье подобно лучу,
Круглолицее, осторожное,
Пареньку прислонилось к плечу.

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

Если ты есть на свете,
Счастье мне тихое светит.
Если ты где-то рядом,
Большего и не надо.
Все остальное будет -
Верьте, влюбленные люди.
Если ты близко где-то,
Словно сливаюсь с рассветом.
Мелочи каждой радуюсь,
Если встречаемся взглядами.
Будто бы к тайне причастен.
Что же такое счастье?..

ЗА РУЛЁМ

День исхлестан косым дождем,
Превратилась трасса в болото.
Но в колонне сказали:
- Пройдём!
- Живы будем – не пропадём, -
Подтвердил из кабины кто-то.
Боевой и чумазый народ
От зари до зари на колесах.
Эх, дороги!
А время не ждёт,
Режет графики поздняя осень.
Позабыты, сон и покой,
Каждый нынче ответственен вдвое.
Заливает широкой рекой
Закрома зерно золотое.
Убегает полоска жнивья,
Ночь на плечи ложится истомой.
Проворчит при встрече жена:
- У других мужья – как мужья,
А тебя вот все нету дома…

СЛОВО О РАБОТЕ

Когда тоска смертельно гложет,
Мороз иль солнце – все равно,
Тогда ничто уж не поможет.
Твердишь, - ни слово, ни вино.
Покажется ненужным вдруг
День, что с хандрой твоей поверстан.
Сомкнулся безысходно круг,
И он не выпустит так просто.
Лекарство верное из всех,
Когда сомненьями измотан,
Как воздух, нужная, как хлеб, -
Работа до седьмого пота.
Она не только исцелит,
Но в лучшее заставит верить.
И сгинет вся тоска за дверью,
И счастье в окна постучит!

ВЫСОТА

Ступени жизни…
Их пройти не просто -
Сначала эту, а потом вот ту.
Осиливаем знания и версты,
И новую штурмуем высоту.
С неё такие распахнутся дали,
Такая новизна — захватит дух!
Живи не ради славы и медалей,
А чтоб огонь душевный не потух.

СВИДАНИЕ С ПАМЯТЬЮ

По молодости не считал потерь,
Как должное, воспринимая просто.
Но сожалею только лишь теперь -
Не вёл им счёт, откладывал, на после.
В костре неярком угли ворошу,
И ворошу потери год за годом…
К закату всё сильнее ветра шум -
Над ельником метельная погода.
Мне слышится: ушедших голоса
Она приносит к этому привалу.
Заботы их, усталые глаза,
При жизни, помогавшие, немало.
И, кажется, из гулкой темноты,
На огонёк выходят за спиною.
Увижу близких милые черты,
Что и до дня последнего со мною.
Поплачу, светлых не скрывая слёз,
И к роднику сбегу знакомой кручей.
Припомню, где не в этот впрягся воз,
Где следовал советам не из лучших.
Припомню и забывчивость свою,
И леностью разрушенные планы.
Родные лица из пурги встают -
Надежная опора в самом главном.
Простили, был, иль не был виноват,
Из памяти поднявшиеся гости.
Последний взгляд
Сквозь дымку лет – назад…
Метель следы безжалостно заносит…

ДЕТСТВО

Заря румяная, бледнея,
Сложила крылья над рекой.
Мы шли сквозь царство Берендея
Грибной июльскою порой.
Здесь бор чудес:
Кощей Бессмертный
В дворце из золота живёт,
Да в чаще лешие и черти
Угрюмый водят хоровод.
Заухал филин,
Мы с разбега
Вспорхнули стайкою синиц.
На счастье повстречали деда,
Как сказки сбывшейся конец.
Потом в ведре грибы варили,
Забыв сомнения и страх.
И до рассвета говорили,
У полыхавшего костра.
Горит волшебною жар-птицей
Пучок улыбчивых лучей.
Нам на прощанье дал напиться,
Под корневищами ручей.
О милом детстве сожалея,
Я вспоминаю до сих пор
Дорогу в царство Берендея,
Заросший ягодником бор.

МИНИАТЮРА

Жизнь измеряется не годами,
Ради счета и жить не стоит.
Жизнь измеряется городами,
Которые ты построил.
Нефтепроводом, бараком, песнею —
Той, в которую душу вложил.
Если на тризне твоей не весело -
Значит, жизнь не напрасно прожил!

СОДЕРЖАНИЕ:

Вступительное слово
Из племени романтиков 3
Где Россия моя начинается 7
Вятка 8
Начало начал 9
Начало России 9
Твоя деревня 10
Край отцов 11
Деревни переезжают 11
Сенокос 12
Над лугами тысячью созвездий 12
На полевом стане 13
Ржаному полю 14
За валом вал – с весёлым свистом 14
Хлеборобу 15
Страда 15
Через шторы ясным ручейком 16
В кузнице 17
Плыло голубем утро над лесом 18
Песня странствий 19
Начало пути 20
Над Волгой 20
Имя на карте 21
Домой 22
Роса на подорожнике 23
На речке желанной 24
Берёзы стынут вдоль опушки 25
Там, где ветер сопки будит сонные 25
Признание костру 26
Костёр семейным очагом 26
У костра душа коллективиста 27
Хорошо у костра помолчать 27
Тропа на каменистом ложе 27
Время, словно вьюга, заметает 28

Романтика 29
Таёжный мотив 30
Проплывают медленно обрывы 30
Для нас придуманные песни 31
Брезентовый городок 32
Параллели строителей 32
Горы угрюмые над нами 33
В том году, на редкость невезучем 34
Ритмы планеты 35
Человек сохранит планету 36
Круговорот 36
Убитое озеро 37
Страна без границ 38
Стремительность 39
Первому 40
Звенит капель 40
Глухая пора 41
Летит метелица 42
Шелестят снега в сугробах лунных 43
Читает сумрак по оврагам 43
Метельный романс 44
Тишину в заснеженном лесу 45
Лесной терем 45
Среди зимы в глухую пору 46
Метель в лесу 47
Под елью 47
Глухая пора 48
Закружилась метель над полями 49
Рябина 49
В канун ледостава 50
Гимн весне 51
Гимн весне 52
Песня весны 52
Разлив 53
Март, весна.... 53

Апрельская метель 54
Зов весны 55
Цветет черёмуха 55
Черемухи 56
В сосновый бор вхожу, как в храм 57
Сосновый бор 58
Песня бора 59
Утро в бору 60
Лесная песня 60
Изюбрей да сохатых топот 61
Край сиреневый и березовый 61
Березы не спят 62
Ливень 62
Гроза 63
Ночная гроза 64
Летний зной 64
Сугробы снега тополиного 65
Земляника 65
Утром дождь грибной проморосил 66
Вечер в лугах 67
Дождливая погода 68
Рыбацкое утро 69
Звезда двоих 70
Мечта рыбака 71
Призрак ночи 72
Вечернее 72
Волк 73
Зной июльский струится 74
В начале ночи 74
Сосновый мыс 75
Рождается строка 76
Осенние мотивы 77
И время осени пришло… 78
Осень 78
Осенняя радуга 79

Фантастичен наряд осины 80
Ночь шершавой ладонью метели 80
Снегириная флейта 81
Кинула на улицу луна 81
Ручей, пока ничем не скованный 82
Тиха печаль ночных лесов 82
Эхо войны 83
Эхо войны 84
Раненая береза 84
Дикий лук детства 85
Возвращение солдата 86
Похоронившие войну 87
Навечно с нами 88
Люди помнят 88
Наказ живущим 89
Память 90
Берлин.1945 91
Седая память 92
Отгремел бой 93
Память сердца 93
Не забудем 94
Огненная дуга 95
Мы ждали этот шаг 96
Вдоль реки 97
На безымянной высоте 98
Покаяние 99
Призывники 99
Баллада о солдатской вдове 100
Аленке 101
Тяжело в ученье… 102
Лирические раздумья 103
Черемуха смеется наша 104
Трещина 105
Женщинам России 106
Берегите женщин, берегите… 107

Женам 107
Элегия 108
Тепло рук 108
Ты сказала… 109
Укоротились ночи 110
Неравнодушие 111
Возвращение 112
Своя вина 113
Нежность 113
Мы шагаем по снегам искрящимся 114
Резвым туманом белое платье 114
Два лица 115
Сделай шаг 116
Девятикласснице 117
Учителю 118
Наставнику и другу 119
Сохраняем в сердце навсегда 119
Прощание со школой 120
Лебяжьи сны плывут над изголовьем 121
Письма 122
У папы с мамой куча дел 122
Лирические раздумья 123
Что такое счастье? 125
За рулем 125
Слово о работе 126
Высота 126
Свидание с памятью 127
Детство 128
Миниатюра 128

Для заметок